

ВИКТОР
ПРОНИН
КУПИТЕ
ДЕВОЧКУ

Банда

Виктор Пронин
Купите девочку

«ЭКСМО»

1996

Пронин В. А.

Купите девочку / В. А. Пронин — «Эксмо», 1996 — (Банда)

Следователь прокуратуры Павел Пафнутьев ошеломлен: за несколько дней расследования очередной «бытовухи» он уже имеет двух зарезанных, убийство в камере предварительного заключения, убийство в кабинете начальника милиции, взрыв фотоателье, похищение ребенка – и конца этому беспределу не видно. Следы преступлений ведут к некой фирме «Фокус», ведущей свой бизнес в сфере интимных услуг. Но едва сыщик решается познакомиться с фирмой поближе, как «фокусники» сами вламываются к нему в кабинет, отбирают пистолет и вещдоки и приступают к допросу. Они еще не знают, что настоящие фокусы начнутся, когда Пафнутьев сделает ответный ход...

© Пронин В. А., 1996

© Эксмо, 1996

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Виктор Пронин

Купите девочку

Часть первая

Все они почему-то умирали

Не верь, не бойся, не проси.
Народная мудрость 1996 года

Весна наступила ранняя, причем какая-то бурная, самоуверенная, и уже через несколько дней после первого мартовского потепления по улицам бежали пружинистые, мускулистые ручьи, а солнце играло в лужах, обещая горожанам все, чего только они сами могут себе пожелать. На то и весна, чтобы обещать несбыточное. А того, чего можно добиться легко и просто, никому не хотелось. Хотелось чего-то из ряда вон – почувствовать себя молодым и встревоженным, увидеть улыбку на лице встречной красавицы, посетить человека, который давно тебя ждет и готов принять в любом виде, придешь ли ты с бутылкой водки или же ему придется доставать свою, вручишь ли ты букетик жеваной мимозы, доставленной в город кавказскими беженцами, или раскошелишься на розочку, которая по цене явно тянет на пенсию средних размеров.

Ручьи бежали по обочинам дорог, посверкивая радужными от бензиновых разводов бликами, бесстрашно уходили в темноту канализационных люков, выбирались на поверхность где-то за городом среди заснеженных еще полей и лесов, ныряли в тяжелые серые сугробы и продолжали, неудержимо продолжали свой путь к далекой речке, чтобы влиться в нее и исчезнуть в мутных весенних водах, наполненных щепой, прошлогодними прелыми листьями, а то и жутковатыми какими-то предметами, которые каждую весну неизбежно появляются из-под тающего снега, из-под сошедшего льда.

Да, напряженная криминальная жизнь в городе не затихала и зимой, поэтому многие зловещие отходы этой жизни возникали перед глазами только по весне, когда весело журчали ручьи, блистало в лужах солнце и хотелось пусть самого малого, но несбыточного.

Павел Николаевич Пафнутьев, гладко выбритый, но сонный и не вполне причесанный, медленно брел по улице, щурился на солнце, поддавал ногой камешки, которые изредка попадались на его пути, а сам напряженно и опасливо всматривался в себя, прислушивался к себе – отзовется ли в душе хоть что-нибудь, хоть маленькая какая-нибудь несчастная струнка на приход весны. Почему-то всегда его это волновало – вздрогнет ли нутро, запросит ли несбыточного?

И не сразу, далеко не сразу смог он себе ответить – что-то отозвалось, что-то слабо, почти неслышно, зазвенело в его истерзанной кровавыми преступлениями душе – захотелось теплой лунной ночи, узкой девичьей ладошки, мерцающего в темноте взгляда, захотелось и собственного страха. Но не того, когда холодит тебе висок ствол бандитского пистолета или пляшет у горла лезвие ножа, захотелось страха, который испытываешь, столкнувшись лунной ночью в зарослях сирени со взглядом таинственным и зовущим...

– Ох-хо-хо! – вслух простонал Пафнутьев и тут же оглянулся по сторонам – не застал ли кто его за мечтаниями глупыми и запоздалыми. Но нет, никто не смотрел в его сторону, никого не интересовал странный тип с припухшей после сна физиономией, с выражением, которое если не было туповатым, то каким-то простоватым наверняка. Такое лицо может быть у сантехника, которого собираются выгнать за пьянство, у ночного вахтера к концу смены, у водителя тяжелого грузовика, переночевавшего у спущенного колеса, у пустого бензобака.

Но Пафнютьев не был ни сантехником, ни вахтером, ни водителем, он был начальником следственного отдела прокуратуры, и ему, наверное, положено было иметь выражение лица совершенно другое – быстрое, уверенное, пристальное. Во всяком случае, так думали многие из тех, с кем ему приходилось сталкиваться по службе, в какой бы роли они ни выступали. Однако Пафнютьева устраивала собственная физиономия, и он не торопился подстраиваться под убыстряющийся бег жизни, и, как ни странно, ему удавалось поспевать даже там, где другие, шустрые и несущиеся, постоянно запаздывали и растерянно хлопали глупыми своими глазами.

Весеннее настроение затронуло Пафнютьева куда сильнее, чем ему вначале показалось. Прошло совсем немного времени, как он, сам того не замечая, запел, замурлыкал себе под нос что-то давнее, полузабытое...

– Шаланды, полные кефали, в Одессу Костя приводил, и все биндюжники вставали, когда в пивную он входил. – Пафнютьев улыбнулся, осознав вдруг ясно и четко, куда он идет, к кому и по какому поводу.

Шаланда сидел за своим столом, уставившись в пыльное стекло, под которым были выложены календари за последние несколько лет, телефоны начальства, морга, странная девица, вырезанная из какого-то журнала, – видимо, чем-то тронула она сердце Шаланды, чем-то его встревожила. Отвлекаясь на секунду от своей опасной многотрудной деятельности, Шаланда встречался с ней взглядом, и глаза его теплели, в них снова возвращалась жизнь. Девица была почти раздета, а обильные ее формы уже не первый год утешали Шаланду и давали ему какие-то надежды на будущее. Судя по тому, что снимок был достаточно замусоленным, Шаланда общался с девицей не только через стекло.

– А, Паша, – Шаланда со вздохом оторвал взгляд от красавицы и накрыл ее папкой уголовного дела. – Как поживаешь, Паша?

– Весна, – ответил Пафнютьев, присаживаясь у стены. – Природа оживает от зимней спячки... Душа выбрасывает робкие зеленые побеги... Всем хочется любви и ласки.

– Это хорошо, – кивнул Шаланда. – Вчера из-под снега вырыли два трупа.

– И что же?

– Опознаем. О чем и сообщаю. Тебе положено об этом знать. Какой-никакой, а все следователь, – не удержался, кольнул Шаланда.

– Да уж сообщили, порадовали.

– Это только начало. Еще одного выловили в речке. Но тот хоть с документами.

– Везучим оказался, – сказал Пафнютьев.

– Не очень... Сообщили родне... А те ни в какую не хотят своим признать. Не похож, говорят. А как он может быть похожим, если всю зиму в речке отмокал? Он и в самом деле не похож ни на одно земное существо. Не хотят забирать.

– Почему?

– Хоронить не на что, обычная канитель. Сейчас вот начнут из-под снега показываться руки-ноги, они ведь, Паша, того... Не все убитые, не все замученные. Половина своей смертью померла. Хоронить дорого, разорение... Вынесли, снегом присыпали, и будь здоров, не кашляй, как говорится.

– Значит, и до таких времен дожили мы с тобой, значит, и в этих временах нам побарахтаться придется.

– А дальше? Паша, что будет дальше? – Шаланда поднял на Пафнютьева маленькие глазки и посмотрел на него с нескрываемой растерянностью. – Это же ведь полный отпад, а?

– Еще не полный, – усмехнулся Пафнютьев.

– Будет круче?

– Конечно! – беззаботно ответил Пафнютьев. Поднявшись, он подошел к столу Шаланды, сдвинул уголовное дело в сторону, всмотрелся в игривую улыбку красавицы под стеклом. –

Пора менять, – сказал он. – Не надоела? А то нынче другие в моде... Показывали вчера по телевизору – сиська в ведро не помещается, на полтора ведра сиська. Одна!

– Да я к этой уже привык, – смутился Шаланда и снова сдвинул серую папку, будто стесняясь показывать чужим людям наготу своей избранницы. – Пусть будет.

– А то мне недавно попали очень смелые снимки, – улыбнулся Пафнутьев. – Могу подарить.

– Не надо, – нахмурился Шаланда, словно его склоняли к чему-то дурному, безнравственному. – И оставим это. Тут у меня другое... Я тебе поэтому и звонил, – Шаланда испытующе уставился на Пафнутьева, словно все еще колебался – стоит ли говорить все, что знает, не проболтается ли, не выдаст ли важную государственную тайну.

– Давай, Шаланда, не тяни, – сказал Пафнутьев. – Можешь мне довериться.

Шаланда смахнул со стола какие-то крошки, видимо, перед приходом Пафнутьева перекусывал наспех, положил тяжелую руку на папку с уголовным делом, подержал ладонь на картонном переплете, как бы наливаясь какой-то злой силой, и, наконец, в упор посмотрел на Пафнутьева.

– До чего, Паша, дело дошло, не поверишь...

– Поверю.

– Старики звереют.

– В каком смысле?

– В самом прямом. Пацаны – уж ладно, к этому я привык... Все эти юные алкоголики, наркоманы, нюхачи... Ладно. Злобное племя растет. Не представляю даже, что будет делать, как будет вертеться тот мужик, который когда-нибудь на мое место сядет... Ошалееет.

– Не ошалееет, – Пафнутьев махнул рукой. – Он будет из той же стаи. Он сам из них будет, из юных и злых... Поэтому не надо его жалеть. Пусть вертится. Так что твои старики?

– Один старик, Паша. Но до чего злобный... Я его боюсь. Он и меня чуть не порешил. Глаза у него вроде даже подслеповатые, но до того звероподобные, Паша... – большое лицо Шаланды выражало искреннюю растерянность.

– Что же он натворил, этот дед?

– Человека хотел зарезать.

– И все? – усмехнулся Пафнутьев. – Читай оперативки, Шаланда! Нет ночи, нет дня, чтобы кто-то кого-то по пьянке не зарезал, не зарубил, не расчленил. А тут всего лишь попытка?

– Подожди смеяться, Паша. Попытка ладно, но это... Есть труп в наличии, и шило, которое отняли у старика, очень уж хорошо входит в ту дырку, которую на трупе обнаружили. Так хорошо входит, так хорошо, что просто лучше не бывает.

– А что говорят эксперты?

– Вот то и говорят, что я тебе доложил.

– А старик?

– Молчит. Ни слова, Паша, ни звука.

– И ни взгляда? – усмехнулся Пафнутьев.

– А вот тут ни фиги, Паша! Взгляды он такие бросает, что я не решаюсь с ним в кабинете один на один оставаться.

– Крепкий старик? Гигант? Монстр?

– Опять же, ни фиги. Хилый старикашка, занюханный дальше некуда, пенсионер, бывший дорожный рабочий. Живет здесь недалеко, шатается по этим же вот улицам.

– Обыск?

– Пусто.

– Оружие? Наркотики? Взрывчатка? – перечислил Пафнутьев обычные находки, с которыми он сталкивался едва ли не каждый день, едва ли не при каждом обыске.

– Коробка из-под фотоаппарата «Зенит», а в ней ордена и медали. За взятие Будапешта, Варшавы, Берлина, Парижа, Лондона, не знаю, что он там еще брал в своей жизни. Если бы не остановили, наверняка и Вашингтон бы взял запросто. И это, победитель соцсоревнования... Большим ударником был, оказывается, Сергей Степанович Чувьюров. Ты когда-нибудь слышал такую фамилию – Чувьюров? Что-то в ней слышится чреватое, а, Паша? – Шаланда приник тяжелой грудью к столу и уставился на Пафнутьева с таким напряжением, будто и в самом деле фамилия задержанного таила в себе опасность.

– А ты когда-нибудь слышал фамилию Пафнутьев? – спросил Пафнутьев. – А фамилию Шаланда слышал?

– Да ладно тебе! – Шаланда махнул тяжелой ладонью. – Старику седьмой десяток. Парень, который его скрутил и доставил, настаивает, что тот порешил и его друга. Неделью назад. Понимаешь? Друга зарезал, а теперь и за ним охоту начал. Безнаказанность, она, знаешь, к чему приводит?

– К чему?

– К беспределу! Она толкает все на новые и новые преступления. Понял? – сурово спросил Шаланда.

– Понял. Значит, что же получается? – медленно проговорил Пафнутьев, начиная наконец проникаться заботами Шаланды. – Выходит, оба пострадавшие, и тот, недельной давности труп, и свеженький, который доставил к тебе этого страшилу, – знакомы друг с другом?

– Да, – кивнул Шаланда. – Очень хорошо знакомы. И оба знают старика. Паша, я тебе сейчас такое скажу... Такое скажу... Эти ребята под два метра... Амбалы, понял? Самые настоящие амбалы.

– Какие ребята?

– Ну этот... Труп и тот, который притащил старика к нам. У парня в боку дырка от штыка, но он смог. Дырка оказалась несерьезной... Малость промахнулся старик, понял? Промахнулся. А намерения были еще те... – Шаланда выдвинул ящик и со стуком положил на стол длинный черный штык времен Второй мировой войны. Штык был заточен до такой остроты, которую можно было сравнить разве что с игольной. Лишь у самого основания оставались ребра бывшего штыка, только по этим выступающим ребрам и можно было установить, что это все-таки не заточенная арматурная проволока, а самый настоящий штык, боевое оружие. Рукоять представляла собой намотанную на утолщенную часть штыка изоляционную ленту. Но она была очень удобна, поскольку позволяла обхватить рукоять намертво. Лента просто прилипала к руке, сливаясь с ладонью, и заточенный штык становился смертельно опасным оружием даже в немогущей руке старика. Нетрудно было себе представить, как он входил в тело – с такой легкостью, будто проникал в подтаявшее масло.

Пафнутьев взял штык, взвесил на руке, повертел перед глазами, а когда положил на стол, увидел на своих пальцах черные следы изоляционной ленты.

– На экспертизу отдавали?

– Никаких следов крови... Прежней крови, – уточнил Шаланда. – Лента совсем свежая. Если это действительно он, то старик сменил ленту. Представляешь, Паша, какая хитрость, какая сатанинская предусмотрительность! Мы ищем следы крови, а их и быть не может! Лента – новая.

– А при обыске?

– Нашли ленту, эту самую. Но Чувьюров и не отрицает, что это его штык. Он ничего не отрицает. И ничего не подтверждает. Он молчит. И сверкает глазами. И все. Да, и желваками ворочает. У него такие бугристые, выступающие желваки. По ним только и можно догадаться, что он все-таки слышит мои вопросы.

Пафнутьев помолчал, что-то прикидывая про себя. Мелькнувшая невнятная мысль тут же ускользнула, и он мучительно пытался понять, вспомнить – что же промелькнуло сейчас перед ним? Не то догадка, не то вопрос, который мог бы все поставить на свои места...

– Значит, ты говоришь... – начал он медленно, но Шаланда, не поняв его состояния, перебил:

– Старика сейчас доставят сюда. И ты можешь сам с ним поговорить, если тебе, конечно, это удастся.

– Подожди, Шаланда, заткнись, – поморщился Пафнутьев. Приближающаяся догадка опять растворилась в воздухе. – Не суетись. Значит, ты утверждаешь, что труп... Что старик был знаком с трупом? Разумеется, когда тот еще был живым человеком? И со вторым пострадавшим, которого он поцарапал, тоже знаком, так?

– Да. Он знал обоих.

– Хорошо. Идем дальше... Оба парня тоже были друг с другом знакомы?

– Да, Паша! Ты правильно понял. Они, можно сказать, друзья.

– Что же объединяло двух молодых амбалов и старика? Почему они все оказались знакомы? Что их связывало? И нет ли в этой связке кого-либо еще? Может, они все друг за дружкой охотятся?

– Оба парня работали в одной фирме. «Фокус» называется.

– И оба под два метра?

– Да.

– В эту фирму набирают людей по росту?

– Паша! – Шаланда неожиданно обиделся и покраснел, решив, что его недооценивают или же пытаются выставить придурком. С кем бы ни разговаривал Шаланда, он постоянно подозревал, что с ним хотят поступить именно так – выставить придурком. – Если ты не знаешь, то я тебе скажу... Сейчас в любой фирме набирают по росту. И чтоб была у людей твердая рука и верный глаз. И чтоб знали они десяток-другой приемов из разных там единоборств. Эти ребята служили в «Фокусе» не то телохранителями, не то снабженцами, а скорее всего, занимались и тем и другим.

– Может быть, в этом фокус?

– Паша, ты так удачно шутишь, что общаться с тобой – сплошное райское наслаждение. Но ты вот что пойми: этот старик – маньяк. Злостный убийца, который просто тронулся умом, крыша у него поехала. Он зарезал одного человека, пытался зарезать другого. По чистой случайности парни оказались из одной фирмы. Я наводил справки – фирма в порядке. Все в норме – лицензии, допуски, регистрации.

– И с налогами полный порядок?

– Да. Я специально наводил справки.

– Но так не бывает! – усмехнулся Пафнутьев.

– Бывает, Паша, все бывает! – с неожиданной горячностью заверил его Шаланда. – Бывает. Эти ребята жили в одном подъезде и только поэтому стали жертвами маньяка.

– Они братья? – спросил Пафнутьев.

– Нет.

– Родственники?

– Нет.

– Квартиры по соседству?

– Они жили в одной квартире.

– Понял, – кивнул Пафнутьев. – Гомики.

– Нет! – выкрикнул Шаланда с таким гневом, будто его самого заподозрили в позорном мужеложестве. – Они просто жили в одной квартире. Так бывает.

– В этой квартире еще кто-то живет? Кроме них?

– Не знаю, – покраснел Шаланда. – Не устанавливал. Пока не занимался этим. В конце концов, они пострадавшие. Жертвы. Меня больше интересовал преступник. Вот о нем спрашивай, о нем могу рассказать побольше.

Пафнутьев подошел к окну и долго вслушивался в перезвон капель, которые срывались с мокрой крыши и падали на жестяной карниз. Эти весенние звуки, видимо, нравились ему, что-то напоминали или пробуждали в его душе, и он простоял так несколько минут, склоняя голову то к одному плечу, то к другому.

– Весна, – наконец выдохнул Пафнутьев с печалью в голосе. – Ручьи бегут, девушки прыгают через лужи... Ты заметил, Шаланда, как укоротились юбки за последний год?

– Я заметил, как с каждым годом укорачивается у людей жизнь, – мрачно ответил Шаланда, не желая поддаваться на весенние призывы Пафнутьева.

– Все в мире взаимосвязано, Шаланда, – вздохнул Пафнутьев и вернулся на свой стул. – Не замечая укороченных юбок, Шаланда, ты очень многое упускаешь в своей жизни и в своей служебной деятельности. Печально, Шаланда, но это так.

– Ты убедился в этом на собственном опыте? – усмехнулся Шаланда, радуясь, что и ему удалось укусь Пафнутьева.

– Ну, не на твоём же, – Пафнутьев поставил локти на колени и подпер щеки кулаками. – Где нашли труп?

– На лестничной площадке. Он истек кровью. Его утром обнаружил какой-то жилец, который первым собрался на работу.

– А где было совершено нападение на второго амбала? На той же лестничной площадке?

– Откуда ты знаешь? – подозрительно спросил Шаланда. – Я тебе этого не говорил.

– Почему-то подумалось... Странный маньяк у тебя завелся... Обычно маньяки так себя не ведут. Знаешь, как они себя ведут? Никогда не догадаешься, что разные нападения совершает один и тот же злодей. Эти маньяки, оборотни, нетопыри, вампиры меняют районы города, меняют оружие – то удавкой сработают, то ножом, то вдруг туристический топорик на работу прихватят... Кошмар какой-то! А этот... Одним и тем же штыком, в одном и том же, причем своем, подъезде, на одних и тех же ребятах, которые его хорошо знают... Как понимать?

– А вот так и понимай! Жизнь, она, знаешь, какая бывает?

– Какая?

– Непредсказуемая.

– Да? – удивился Пафнутьев. – Ну, ладно. Наверно, ты прав. Труп давно нашли?

– С неделю, – вяло ответил Шаланда, видимо, осознавший странности преступления. – Я уже тебе говорил.

– Зачастил твой старик, зачастил... Так нельзя. Это плохо.

– Да уж, хорошего мало.

– А как он у тебя оказался? Как ты вышел на этого злостного вампира?

– Да не выходил я на него! – отчего-то разозлившись, закричал Шаланда. – Говорил же тебе! Он напал на парня, тот увернулся, скрутил старика, отобрал штык и приволок сюда. Затолкал в мой кабинет, положил штык на стол, задрал свой пиджак... А там рана. Проникающая, между прочим, рана. Вызвали врача, составили протокол, изъяли штык... Со свидетелями опять же, с понятными. Не сомневайся, все сделано как положено.

– А как положено?

– По правилам! – Шаланда вынул из тумбочки стола рыхлый Уголовно-процессуальный кодекс и с такой силой бросил его на стол, что из кодекса выползло медленное облачко пыли.

– Ох, Шаланда, – вздохнул Пафнутьев и опять направился к окну, но на этот раз оставался там недолго. – Старик один жил в квартире? – неожиданно обернулся он.

– Откуда знаешь? – подозрительно спросил Шаланда. – Ты уже занимался этим делом, а? Признавайся, Паша.

– Я всю жизнь этим делом занимаюсь, Шаланда. Что там у тебя намечено? На какое мероприятие ты меня звал?

– Очная ставка. Хочу провести допрос старика в присутствии потерпевшего. Может, он при нем заговорит, как ты думаешь?

– Может, и заговорит, – пожал плечами Пафнутьев. – Кто ж его знает... Чужая душа потемки.

– Глядишь, и ты какое словечко кстати ввернешь, – усмехнулся Шаланда, словно заранее был уверен в том, что уж от Пафнутьева-то наверняка никакой помощи он не дожидется.

* * *

Пользуясь своим положением, Пафнутьев мог, конечно, сесть за стол Шаланды, принять начальственный вид и взять очную ставку в свои руки, провести ее так, как сам счел бы необходимым. Но он поступил иначе – зажался в угол между батареей парового отопления и фанерным шкафом вдаль от стола, за которым неприступно возвышался сам Шаланда. Для постороннего Пафнутьев мог вообще показаться случайным здесь человеком. Может быть, водителем, который дожидается Шаланду, может быть, дальним родственником, которому позволили поприсутствовать при необычном для него деле – очной ставке между опасным преступником и невинной жертвой. Мешковатый костюм, сонная физиономия, простоватое выражение надежно маскировали начальника следственного отдела.

Первым пришел пострадавший.

И хотя Пафнутьев в упор, не отрываясь, рассматривал его, гость скользнул по нему равнодушным взглядом, сразу вынеся Пафнутьеву приговор как человеку недалекому, ненужному, незначительному. На госте был малиновый пиджак, черные брюки, лакированные туфли на тонкой кожаной подошве, из чего Пафнутьев заключил, что гость прибыл на машине – невозможно было в такую мокрую, сочащуюся снегом погоду пройти даже несколько шагов в таких вот туфельках. Гость был и без пальто, конечно же, пальто осталось в машине. Машину тоже представить было нетрудно – какой-нибудь джип или, на худой конец, «Мерседес». Любая другая машина унизила бы достоинство этого амбала. Пожав руку Шаланде, он тут же болезненно скривился, напоминая, что человек он раненый, что перенес опасное для жизни бандитское нападение и нуждается во внимании и сочувствии.

И Шаланда, о простая, бесхитростная душа, дрогнул, склонился в поклоне, руку пожал польщенно, и даже в улыбке его, во взгляде промелькнула зависимость. Он хотел было представить потерпевшему Пафнутьева, но тот успел замахать руками – не надо, упаси боже, дай посидеть спокойно и неузнанно. Шаланда недоуменно пожал плечами, как хочешь, дескать. И, выйдя из-за стола, с какой-то слоновьей галантностью предложил гостю стул. Тот сел, небрежно закинул ногу на ногу, но, вспомнив, что у него страшная рана в боку, тут же прижал к ней ладонь и закусил губу, сдерживая готовый вырваться стон.

Пафнутьеву достаточно было бросить беглый взгляд на двухметрового детину, чтобы сразу понять, что за человек пожаловал в кабинет Шаланды. Малиновые пиджаки отошли года два назад, но парень, видимо, не мог насладиться им в то время, не позволяли финансовые возможности. Скорее всего, деньги у него появились недавно, и, конечно же, он немедленно исполнил свою мечту, не считаясь с тем, что ни один уважающий себя фирмач такой пиджак не наденет. Значит, со вкусом у него дела неважные, со здравым смыслом тоже, да и умишко, похоже, слабоват. Декоративный малый, решил про себя Пафнутьев. Скорее всего, шестерка, даже на семерку не тянет. Но тогда как понимать Шаланду, который уже не знает, каким боком повернуться к гостю, какой улыбкой его одарить, о чем таком трепетном спросить...

Не вслушиваясь в вежливую беседу Шаланды со своим уважаемым гостем, Пафнутьев поднялся, бочком протиснулся к окну и выглянул во двор. Так и есть – на служебной пло-

щадке стоял «Мерседес» цвета мокрого асфальта. На месте водителя сидел еще один малиновый пиджак в черных очках и с таким же тяжелым, выстриженным затылком. «Видимо, и труп, который лежал где-то в морге, был таким же, разве что без малинового пиджака», – подумал Пафнутьев, но тут же устыдился, осознав, что не ощущает жалости к безвременному погибшему молодому парню от руки престарелого маньяка.

– ...Рана оказалась глубокая, но хирург сказал, что ничего важного не затронуто, – донесли до Пафнутьева слова парня. – Я об одном только жалею – что не добил этого поганого старикашку там же, в подъезде! – неожиданно громко произнес парень и оглянулся на Пафнутьева – хоть и пустой человечиска сидит где-то в углу, но пусть и он знает, кто пожаловал к начальнику милиции, пусть и он оценит силу его гнева и ненависти.

– Не стоило пачкаться, – заметил Шаланда. – Это был бы самосуд. Вы правильно поступили.

– Я полностью уверен, что и Коляна он порешил!

– Этим занимается следствие, – проговорил Шаланда, смущенно косясь в сторону Пафнутьева, который, конечно же, слышал этот пустой разговор. «Откуда у Шаланды, самолюбивого и тщеславного, может быть зависимость от этого красавца? – озадаченно думал Пафнутьев. – Наверняка тот что-то подарил моему другу Шаланде, наверняка что-то сумел ему сунуть. Или поприжал? Нет, из-за подарка Шаланда не станет вот так пластаться... И запугать его непросто».

– А если будет доказано, что именно старикашка Коляна убил, что ему? Расстрел?

– Суд решит, – промямлил Шаланда, хотя мог бы совершенно твердо сказать, что за подобное расстрела не полагается, за подобное можно в худшем случае получить лет десять. Но, видимо, не хотел расстраивать гостя.

– А я бы таких стрелял на месте! – Парень оглянулся на Пафнутьева, догадавшись наконец, что не зря сидит в углу этот человек, не зря его терпит Шаланда.

– Кажется, ведут, – сказал Шаланда и выразительно посмотрел на Пафнутьева – для него он произнес эти слова, хотел предупредить, дать время подготовиться. Но Пафнутьев никак на его слова не отозвался – его лицо оставалось таким же сонным. Откинув голову к шкафу, он, кажется, даже немного подремывал.

– Ваш человек? – вполголоса спросил парень у Шаланды, кивнув в сторону Пафнутьева.

– Наш, – сдержанно ответил тот.

В это время открылась дверь и на пороге возникла сухонькая фигурка невысокого человека со сведенными назад руками. Был он сутул, седые волосы всклокочены, смотрел исподлобья из-под густых, кустистых бровей. Конвоир, видимо, подтолкнул его сзади, и старик резко шагнул в кабинет, но тут же попятился.

– Ну что, батя, сразу тебя добить или постепенно? – поднялся парень во весь свой громадный рост.

Старик не ответил, но и не отвел глаза в сторону, не попятился.

– Спокойно, спокойно, – Шаланда наконец проявил решительность и, выйдя из-за стола, оттеснил парня от старика.

– Все равно ему не жить! – во весь голос заорал парень. – Найду и через десять лет, и через двадцать... Вот этими руками задушу, чтоб знал, от кого смерть принимает и за что! – парень потряс растопыренными ладонями перед лицом старика.

– Начнем очную ставку, – проговорил Шаланда, усаживаясь за стол. – Потерпевший, скажите, этот ли человек совершил на вас нападение в подъезде дома, где вы живете?

– Он самый! – кивнул парень. – Этого вонючего старикашку я и среди ночи узнаю. Я его на ощупь узнаю! Почему мне было не удавить его там, на лестнице, понять не могу!

– Не все же тебе давить, – хрипло проговорил старик. – И на тебя управа найдется.

– Ха! Заговорил! – не столько возмущился, сколько обрадовался парень. – Надо же! Голос прорезался!

– Скажите, гражданин Чувьюров, – вмешался Шаланда. – Признаете ли вы, что совершили нападение на присутствующего здесь Оськина Евгения Николаевича?

В этот момент старик пошатнулся и, чтобы не упасть, оперся рукой о спинку стула. Справившись со слабостью, он снова распрямился.

– Сядь! – Шаланда властно указал на стул, за который только что держался старик. Не глядя, тот нащупал спинку стула и осторожно опустился на него, сложив руки на костистых коленях. – Отвечайте, Чувьюров! Это вы нанесли рану гражданину Оськину?

– Было дело, – кивнул Чувьюров.

– И Коляна ты убил, дерьмо собачье? – взвился Оськин. – Признавайся, сучий потрох! Ты убил Коляна неделю назад?!

Старик поднял голову, в упор посмотрел на красного от злости Оськина и негромко, почти шепотом произнес:

– Сам ты сучий потрох.

Оськин, не сдержавшись, вскочил, шагнул к старику, захватил на его груди все одежды, приподнял так, что ноги старика оторвались от пола, и прошипел в лицо:

– Я тебе этого не забуду! Понял? Подышать будешь, а меня вспомнишь! Собственными кишками удавишься!

Рванувшийся из-за стола Шаланда разнял их и снова усадил на стулья.

– Предупреждаю! – заорал он. – Друг друга не касаться! Иначе обоих рассажу по клеткам. Понял? – обернулся он к Оськину, решившись наконец повысить голос. Но тот, кажется, не заметил перемены в поведении Шаланды. – Повторяю – рассажу по клеткам!

Шаланда с грохотом выдвинул ящик стола, вынул штык с черной ручкой и припечатал его к столу рядом со стеклом.

– Твой штык? – спросил он у Чувьюрова.

Тот в ответ лишь криво усмехнулся и отвернулся к окну, где сидел Пафнутьев, молча наблюдавший происходящее.

– Отвечай – твой штык?

– У тебя же спрашивают, пидор ты позорный! – Оськин опять вскочил, бросился к старику, но тот увернулся, попытался было шагнуть к двери, но Оськин догнал его, схватил сзади за лицо и поволок обратно к столу Шаланды. Он так захватил старика, что ладонь перекрыла ему и рот, и нос. Не в состоянии вдохнуть, тот лишь умоляюще вращал глазами. Но Шаланда, видимо, решив проучить гонористого преступника, не торопился прийти ему на помощь.

И тут произошло нечто совершенно неожиданное – когда парень волок старика мимо стола, тот в последний неуловимый момент успел схватить штык со стола и, не глядя, наугад, с силой несколько раз ткнул им за спину, в то место, где должен был находиться Оськин.

То ли старик так удачно рассчитал направление ударов, то ли находился в таком положении, что просто не мог промахнуться, но все три или четыре удара достигли цели – штык каждый раз до рукоятки погружался в полноватое, мясистое тело Оськина, мимо распахнутого малинового пиджака, сквозь белую рубашку, уже после первого удара покрасневшую от хлынувшей крови.

Оськин замер на какой-то миг, на лице его возникло выражение бесконечного удивления, которое тут же сменилось гримасой страшной боли. Выпустив старика, он схватился за то место, чуть ниже ребер, куда несколько раз вошло длинное, отточенное лезвие штыка. Постояв несколько секунд, медленно опустился на колени и, тут же смертельно побледнев, опрокинулся навзничь вдоль прохода, у самого стола Шаланды.

Кровь продолжала хлестать из ран, подбежавший Пафнутьев вырвал штык у Чувьюрова, впрочем, тот сам протянул штык, с облегчением освобождаясь от этого самодельного, но страшного оружия.

Шаланда в полной растерянности, постанывая, метался по проходу, потом опустился на колени перед Оськиным, попытался перевернуть его на спину, но тут же вскочил, бросился в коридор, заорал что было мочи, призывая в кабинет всех, кто оказался поблизости.

Когда вбежавший дежурный увидел дергающегося на полу, залитого кровью человека, он тоже остолбенел, не зная, что делать, как себя вести. Кажется, один лишь Пафнутьев сохранил хладнокровие. Сунув штык обратно в ящик стола, он поднял трубку, набрал номер и вызвал «Скорую помощь».

Когда два врача вошли в кабинет Шаланды, было уже поздно. Оськин умер в луже собственной крови, так и не отняв руки от ран. Чувьюров сидел в углу, на том самом стуле, который недавно освободил Пафнутьев, и почти в такой же позе – вжавшись между батареей парового отопления и фанерным шкафом. Прошло еще какое-то время, пока Шаланда догадался вызвать конвоира и тот защелкнул на руках убийцы стальные наручники.

Ко всему происходящему Чувьюров отнесся, казалось, совершенно спокойно. Лишь выходя из кабинета, осторожно переступив растекшуюся по полу кровь, он оглянулся и произнес странные слова:

– Дело прочно, когда под ним струится кровь...

И вышел, ссутулившись, глядя себе под ноги.

* * *

Санитары вынесли охладевшее тело Оськина в малиновом пиджаке, залитом кровью, конвоиры увели старика, Шаланда еще раз убедился, что штык спрятан в ящике письменного стола. Повертев в руках серую папку с несколькими страничками уголовного дела, он и ее сунул в стол. Посидел, нависнув над столом, и принялся медленно рисовать толстым пальцем причудливые узоры на пыльном стекле. Вдохнул раз, другой, все тяжелее, безысходнее, и лишь после этого решился поднять глаза на Пафнутьева, вернее, на его спину – тот стоял у окна и вслушивался в перезвон весенних капель по жестяному карнизу.

– Что скажешь, Павел Николаевич? – спросил Шаланда каким-то осевшим голосом.

– Если такая погода простоит еще неделю – деревья зазеленеют, травка покажется.

Пафнутьев повернулся, окинул взглядом кабинет, где только что разыгрались кошмарные события, и присел там же, у окна, поджав под себя ноги, как бы опасаясь выпачкаться о густую оськинскую кровь.

– И это все, что ты можешь сказать?

– Ты знаешь, Шаланда, что есть жизнь человеческая?

– Ну?

– Жизнь человеческая – это яркий, благоуханный цветок на солнечном, весеннем лугу...

Пришел козел и съел.

– Ну? – не понял Шаланда.

– Убрать бы надо, – проговорил Пафнутьев. – В кровище тут все у тебя... Ступить негде.

Шаланда мгновенно обиделся, налился краснотой, но сдержался, промолчал. Через некоторое время, видимо, дошло до него, что не издевается Пафнутьев, не насмехается над его бестолковостью, а дело предлагает, единственное, что сейчас действительно необходимо сделать.

Подняв трубку, Шаланда набрал короткий номер внутренней связи и, дождавшись, когда кто-то откликнется на том конце провода, коротко бросил:

– Зайди.

Через минуту вошел дежурный и остановился в дверях, стараясь не опускать взгляда, чтобы не видеть залитого кровью пола.

– У нас там есть кто-нибудь в клетке? – спросил Шаланда.

– Сидят двое...

– Бомжи?

– Не похоже... При галстуках.

– Это хорошо, – мрачно кивнул Шаланда. – Аккуратные, значит.

– Да, чистоту любят. Жаловались, что в камере не очень чисто. Грозилась прокурору жалобу накатать. Блефуют, говноеды вонючие. Нет у них оснований для жалоб и нареканий.

– Дадим, – сказал Шаланда, не отрывая взгляда от собственного пальца, который продолжал выписывать на поверхности настольного стекла заковыристые узоры, отражающие сложный, непредсказуемый внутренний мир начальника милиции.

– Простите?

– Основания, говорю, надо бы им дать... Чтоб было что прокурору написать! – вдруг рявкнул Шаланда, подняв голову. – Живут, понимаешь, у нас, пользуются нашим гостеприимством, кров у них над головой, скамейка под жопой... Пусть поучаствуют в наших хлопотах. Дай им по швабре и приведи сюда. Убрать надо! Павел Николаевич вот тоже жалуется – грязно, говорит, тут у вас, кроваво, говорит.

– Вы имеете в виду... – побледнев, дежурный замолчал.

– Кровь положено смывать!

– Это... Один из них доцент, второй вчера диссертацию защитил... Вот и расслабились ребята.. Может, не надо их, а? Неприятности могут быть... Нарекания опять же...

Шаланда некоторое время молча смотрел на дежурного, перевел взгляд на сидевшего в углу Пафнутьева, потом, обхватив голову руками, начал раскачиваться из стороны в сторону, производя какие-то странные звуки – не то плакал, не то смеялся, не то завывал по-звериному, тоскливо и безнадежно, как может завывать одинокий волк в ночной заснеженной степи.

– Неприятности, говоришь? – Шаланда оторвал руки от лица и посмотрел мокрыми глазами на дежурного. – Нарекания? А это, по-твоему, что? – он указал коротким пальцем, покрытым редкой жесткой растительностью, на кровавую лужу, растекающуюся по полу. – Что это?

– Кровь, – неуверенно произнес дежурный. – Вроде как кровь... Во всяком случае, похоже.

– Значит, так, – Шаланда выпрямился в кресле и сложил по-школьному руки на столе. – Давай сюда своих доцентов-шмоцентов вместе с их галстуками, запонками и прочими знаками отличия! Со всем, что у них есть. И каждому по швабре. Они надолго запомнят эту свою защиту диссертации, долго она им икаться будет! Ха! – Шаланда горько расхохотался своей шутке. – Паша, скажи, я прав?

– Ты всегда прав.

– Да? – Шаланда остановил на Пафнутьеве долгий подозрительный взгляд, но, видимо, решил на этот раз не обижаться. – Пошли, Паша, в другой кабинет, пока тут ученые люди займутся устранением следов преступления.

– Часто у тебя такое случается? – невинно спросил Пафнутьев, когда они вышли в коридор.

– Каждый день, – не задумываясь, ответил Шаланда. – А в некоторые дни и по несколько раз! – Шаланда опять громко расхохотался на все отделение милиции. Это было настолько неожиданно, что из распахивающихся дверей начали выглядывать озадаченные лица паспортисток, секретарей, учетчиков. Пафнутьев понял – у Шаланды начиналась истерика.

В конце коридора им встретились два странных существа. Робко прижимаясь к стенам, они шли, держа в руках швабры, причем держали их как-то кособоко, было ясно, что до этого дня никогда в жизни швабрами они не пользовались и вряд ли подозревали, что есть в мире

такие вещи. Оба действительно оказались при галстуках, зеленовато-бледные их лица и неуверенные движения говорили о бурно проведенном вечере. Один был с рыжевато-седой бородкой, щеки второго покрывала клочковатая щетина. Увидев Шаланду и сразу угадав в нем начальство, оба задержанных остановились, почтительно отступили в сторону, прижавшись спинами к стене и взяв швабры, как новобранцы впервые берут в руки винтовки – прижав стволами к груди.

– Здравствуйте, – почтительно поздоровались существа.

– Здравствуйте, граждане алкоголики! – весело приветствовал их Шаланда, и в этой его неуместной радости Пафнутьев опять услышал истерические нотки. – Творческих вам успехов! Радости бытия! Пусть всегда ваши уста украшает счастливая улыбка!

– Спасибо, – прошелестело за спиной, и Шаланда первым шагнул в небольшую комнату, которая, видимо, служила ему для отдыха. Убедившись, что Пафнутьев прошел вслед за ним, Шаланда запер дверь, дважды повернув ключ. После этого шагнул к столу, распахнул дверцу тумбочки и вынул початую бутылку водки. Бросив мимолетный взгляд на этикетку, Пафнутьев с облегчением убедился, что водка хорошая, местная водка. Больше всего он опасался всех этих голландских, бельгийских, немецких водок с этикетками, исполненными на серебряной, золотистой и прочей фольге, призванной одурачить простодушного выпивоху заморским шиком. Видимо, учитывая наклонности потребителя, алчные европейские бракоделы называли свою отраву именами значительными и достойными: «Орлов», «Распутин», «Демидов», «Потемкин»... Но обман немедленно раскрылся, и теперь эти выжимки импортной жизни уже никто не хочет брать, несмотря на соблазнительно низкие цены. Разве что уж у совсем отощавшего бомжа душа потянется к прекрасному и дрогнет перед посверкивающей этикеткой или литровой емкостью посуды.

– По глоточку? – мрачно спросил Шаланда.

– Надо, – коротко ответил Пафнутьев.

– За упокой невинной души, которая, наверное, все еще мечется по этим коридорам, – проговорил Шаланда. И невозможно было понять – шутит ли он, всерьез ли озабочен блужданиями оськинской души в его милицейских владениях или продолжает терзаться и маяться собственной виной в случившемся.

– Не знаю, насколько невинна его душа, но водка у тебя, похоже, неплохая. Где брал? – спросил Пафнутьев.

– Сама пришла! – не задумываясь, ответил Шаланда, и опять не понял Пафнутьев – шутит ли потрясенный начальник милиции или уже дает показания. Вслед за бутылкой Шаланда вынул из тумбочки стола банку с солеными огурцами, со стуком поставил ее на стол, развернул пакет с подсохшими кусками хлеба. Разлив водку в два подвернувшихся на подоконнике стакана, Шаланда поднял свой и остро взглянул на Пафнутьева.

– Удачи тебе, Оськин, в неземных условиях! – И, не дожидаясь согласия Пафнутьева на столь своеобразный тост, Шаланда залпом выпил водку до дна. После этого опустил толстые свои пальцы в банку, нащупал там в соленом растворе огурец, вынул его и тут же сунул себе в рот, не обращая внимания на Пафнутьева, которому пришлось добывать себе закуску точно таким же способом.

– Хорошие огурцы, – сказал Пафнутьев.

– Можешь и рассолу выпить, – Шаланда невидяще смотрел в стену и яростно жевал похрустывающий огурец.

– Так ты же вроде пальцы там помыл! – усмехнулся Пафнутьев.

– Тогда не пей, – Шаланда равнодушно передернул плечами, взял банку и сделал несколько больших глотков, показывая безвредность напитка. – Как ты думаешь, Паша, меня выгонят?

– За что?

– Не уследил... Смертоубийство в собственном кабинете... Это тебе не хвост собачий, не ус моржовый!

– Убийца задержан? – спросил Пафнутьев.

– Ты же видел.

– Спрашиваю – задержан?

– С поличным! По горячим следам! – воскликнул Шаланда, и во взгляде его возникла слабая надежда на понимание.

– Тогда все в порядке, – успокоил Пафнутьев. – Преступник задержан, орудие убийства изъято, труп увезли, кровь смыли. Ты чист, Шаланда, и можешь дальше исполнять свои служебные обязанности. Орден «За заслуги перед Отечеством» вряд ли получишь, но звезда на погоны тебе обеспечена. Твои действия отличались грамотностью, оперативностью, решительностью. И потом, в конце концов, во время схватки с убийцей ты рисковал собственной жизнью. На это не каждый способен. А ты подтвердил высокое профессиональное мастерство и личное мужество.

– Ты же видел, Паша! – плачущим голосом проговорил Шаланда, растроганный пафнутьевским сочувствием. – Ты же все видел... Подтвердишь?

– Заметано, – Пафнутьев похлопал осунувшегося за последние полчаса Шаланду по плечу.

– Повторим? – Шаланда протянул руку к бутылке.

– Чуть попозже, чуть попозже, – остановил его Пафнутьев. – А то, не дай бог, я рухну на то самое место, куда упал несчастный Оськин.

– Как знаешь, – обиделся Шаланда и спрятал бутылку в стол, со стуком захлопнув дверцу.

– Пошли в кабинет, я задам тебе один вопрос, – сказал Пафнутьев, направляясь к двери.

– А здесь не можешь?

– Уголовное дело там осталось? Пошли, Шаланда, пока у тебя его не сперли прямо со стола.

– Что ты хочешь узнать?

– Оба трупа работали в фирме «Фокус»?

– Ну? – Шаланда исподлобья взглянул на Пафнутьева, и в глазах его промелькнула настороженность.

– У тебя есть данные об этой фирме?

– Зачем они тебе?

– Тебе известно, кто ее владелец, телефоны знаешь, адреса... Способ сокрытия доходов, налоговые хитрости... Ты же все это знаешь?

– Ничего я не знаю! – резко ответил Шаланда, и Пафнутьев в ответ лишь удивленно вскинул брови. Если до этого выкрика Шаланды между ними было понимание и желание помочь друг другу, то последними словами Шаланда как бы отрекался от всего ранее сказанного. – На фига мне знать что-то об этой фирме, если ее сотрудники не убийцы, а жертвы?

– И тебе неважно, кого убили? – вкрадчиво спросил Пафнутьев.

– Мне важно, кто убил.

– Но, зная, кого убили, ты можешь установить причину.

– Это, Паша, уже твое дело. Устанавливай!

– Пошли в кабинет, – настойчиво повторил Пафнутьев. – Мне надоело в этой твоей забегаловке. Вилки бы завел, что ли! Так и будешь заставлять гостей пальцами огурцы из рассола вылавливать?

– Будут тебе вилки, – проворчал Шаланда. – Все тебе будет. – Он открыл дверь, выпустил Пафнутьева в коридор и повернул ключ в двери.

Не успев сделать несколько шагов по коридору, они увидели идущую навстречу процессию. Впереди с двумя швабрами в руках шел бородатый доцент, а следом дежурный волонтер,

подхватив под мышки, второго алкоголика. Лицо его было серовато-зеленым, руки-ноги безвольны и расслаблены.

– Что с ним? – спросил Шаланда.

– Вырубился, – пояснил дежурный. – Кровь увидел и по стенке на пол соскользнул. Кажется, немного в штаны наделал. Неприятно...

– Кому?

– Ему, – почему-то оправдываясь, пояснил дежурный.

– А второй? – Шаланда спрашивал напористо, громко, пытаясь погасить в себе неуверенность и ужас от разыгравшейся в его кабинете трагедии.

– Держится.

– А дело сделали?

– Да, кровь смыли. Мы с Петром. Эти ученые мужи чуть было сами не улеглись в лужи.

– Наука, – с издевкой протянул Шаланда и, не оглядываясь, прошел в кабинет. Пол был влажный, но чистый. Плотно усевшись, Шаланда решительно вынул из стола папку уголовного дела, полистал ее, шумно переворачивая страницы, поднял глаза на севшего напротив Пафнутьева. – Так что тебя интересует?

– «Фокус».

– Телефоны, адреса, имена, банковские счета?

– Примерно так.

– Теперь послушай меня, Паша, – Шаланда сцепил пальцы и положил сдвоенный кулак на папку уголовного дела. – Когда к врачам попадает раненый, умирающий бандит, что они делают?

– Лечат его, охламона, – улыбнулся Пафнутьев, сразу представив все, что скажет Шаланда, к какому выводу придет.

– Правильно. Когда престарелый убийца, отсидевший десять или двадцать лет, входит в троллейбус, где все места заняты, ты что делаешь?

– Я уступаю ему место.

– Молодец. Когда ко мне обращается человек с сомнительной репутацией и просит защитить, сохранить жизнь, рассказывает об угрозах и преследованиях, я что делаю?

– Ты бросаешься его спасать.

– Паша, я просто обязан защитить этого человека.

– У тебя, правда, это получилось не очень хорошо.

– Да. Упущение. Не учел, что этот дряхлый преступник столь злобен и свиреп. Впервые в жизни увидел старца, который бросается на людей с ножом в кабинете начальника милиции. И ты тоже раньше не видел такого, Паша. Не пудри мне мозги и не говори, что ты все бы предусмотрел. Не надо! Все предусмотреть невозможно. Можешь мне поверить.

– Верю, – кивнул Пафнутьев. – Но упрекнуть тебя можно.

– В чем? – вскинулся Шаланда.

– Ты допустил избиение подозреваемого со стороны потерпевшего. Если бы твой Оськин не трогал старика, тот бы не схватил со стола штык. А он его тронул. Ты же при этом спокойно оставался в своем кресле, полагая, что пара лишних зуботычин поможет тебе разговорить старика.

– Так, – крикнул Шаланда. – Понял. Мнение твое уяснил.

– Ни фиги ты не уяснил. Я сказал все это только для того, чтобы ты не думал, что чист и ясен, как месяц в лунную ночь. Ты должен был ждать неожиданностей. И получил.

– А ты уж и рад!

– Возвращаемся к моим вопросам. Ты даешь сведения о «Фокусе»? Я не настаиваю, только спрашиваю.

– Паша... Послушай меня... Это очень крутые ребята. Среди твоих клиентов таких еще не было. Прекрасно понимаю, что во всей этой истории есть второе дно...

– И третье тоже.

– Может быть... Чувьюрова я задержал и спрятал за решетку для того, чтобы его не пришили в том же подъезде. Но видишь, как получилось.

– Так что «Фокус»?

– О «Фокусе» я тебе ничего не скажу! Ни единого слова! – К удивлению Пафнутьева, Шаланда, произнеся эти суровые слова, приложил палец к губам, дав знак молчать. – Не твоего ума это дело! Позволь мне самому с ними разобраться! – Шаланда опять приложил палец к губам. Потом этим же пальцем показал на папку уголовного дела и многозначительно подмигнул, желая, видимо, дать понять, что там Пафнутьев найдет все необходимое. – Подожди меня здесь, – сказал Шаланда, направляясь к двери. Обернувшись, он опять указал на папку, оставленную на столе. И лишь после этого вышел, заперев дверь на ключ со стороны коридора.

– Так, – крикнул Пафнутьев. – Крепко же эти Оськины запугали бедного Шаланду, если он в собственном кабинете не решается говорить вслух, если он только в своей забегаловке осмеливается произнести что-то внятное.

Пафнутьев подошел к столу, уселся в шаландинское кресло, вынул свой блокнот и раскрыл уголовное дело. Ему хватило десяти минут, чтобы выписать данные об Оськине, о его убитом приятеле, о старике – адреса, служебные и домашние телефоны, место работы. Все сведения были на первых страницах протоколов допросов, очных ставок, свидетельских показаний.

Хорошую работу провел Шаланда, полную и добросовестную. Трусоват он всегда был, но обвинять его в этом Пафнутьев не торопился, неизвестно, какому давлению он подвергся, как разговаривали с ним и чего требовали. Может, и в самом деле «жучок» установили с согласия хозяина кабинета, а то и без такового.

Минут через десять ключ в двери повернулся, вошел сумрачный Шаланда, молча сунул папку уголовного дела в стол, потер ладонями не очень выбритые щеки и показал Пафнутьеву на дверь. Тот молча пожал Шаланде руку, крепко, сочувствующе и благодарно. Уже выходя, оглянулся и со значением потряс в воздухе кулаком. «Не дрейфь, дескать, мы им еще покажем!»

Поддавшись его настроению и довольный, что ему удалось выпроводить настырного гостя, Шаланда в ответ тоже поднял над головой плотно сжатый кулак. Его жест означал несколько иное: «Держись, Паша! Можешь на меня надеяться!»

* * *

Обыск заканчивался, но ничего интересного обнаружить не удалось. Квартира старика представляла собой настолько обычное нищенское жилище, что здесь, собственно, и искать-то было негде – все на виду, все открыто. Правда, в диване-кровати можно было что-то спрятать, но его нутро вскрывали уже дважды – когда Шаланда был здесь со своими ребятами и вот сейчас, все с тем же результатом.

Худолей уныло переходил из прихожей в комнату, кухню, щелкал фотоаппаратом, но не потому, что увидел нечто любопытное, нашел, обнаружил, а просто для того, чтобы потом не упрекали за бездействие. И он покорно снимал кухню со старым холодильником, вешалку, встроенный шкаф, в котором на гвоздях висели старые пиджаки, фуфайка, замусоленная нейлоновая куртка, заношенное пальто с длинными, кажется, уже вечными вертикальными складками. Скорее из чувства добросовестности, чем из служебной надобности Худолей сфотографировал кухню, стараясь захватить и холодильник, и угол газовой плиты, и мойку, чтобы дать о помещении представление хотя и полное, но никому не нужное.

Повинуясь какому-то внутреннему, не до конца осознанному порыву, Худолей заглянул в холодильник. Лампочка перегорела, внутри мерзлого железного ящика было сумрачно и пустынно. Покрытые плесенью сосиски, початая бутылка кефира, куски селедки в стеклянной банке, закрытой капроновой крышкой, – это все, что он увидел. Была у Худолея слабая надежда, что найдется здесь и бутылка водки, но его ожидало жестокое разочарование. А глоточек холодной, пусть даже и не очень хорошей водки очень бы ему сейчас помог, просветлил бы его разум, прибавил сил и желания послужить на пользу правосудию.

– Пусто? – услышал он за спиной голос Пафнутьева.

– Кефир, Паша, только кефир. – Худолей понял, что Пафнутьев прекрасно знает его самочувствие, может быть, даже соболезнает, но помочь не может.

– Это печально, – произнес Пафнутьев до обидного равнодушным голосом, видимо, тайные муки Худолея несколько его не тронули. – Это печально, – повторил он, думая о чем-то своем.

– Не в тех домах мы, Паша, обыски проводим, ох не в тех! – горько простонал Худолей, захлопывая дверцу холодильника.

– А где надо проводить?

– Помнишь, на прошлой неделе у одного хмыря оружие искали? Оружия, правда, не нашли, но холодильник, Паша, его холодильник до сих пор стоит у меня перед глазами, как голубая мечта. И выпить там было, и закусить, и запить, и похмелиться, а хозяин-то какой хороший попался, какой хороший хозяин! Я сразу почувствовал к нему непреодолимое душевное расположение.

– Чем же он тебе так понравился? – спросил Пафнутьев, заглядывая в кухонный шкафчик, в котором не было ничего, кроме нескольких тарелок и чашек с отбитыми ручками, надколотыми краями, стершимися рисунками – каждая вещь в квартире, каждая подробность выдавали жизнь бедную, непритязательную, если не сказать полуголодную.

– Умом он мне понравился, – ответил Худолей, чуть повысив голос. – Проницательностью. Высокими человеческими качествами, которые никому бы из нас не помешали в этой трудной жизни, полной тягот и невзгод! Да, Паша, да!

– Красиво говоришь! – восхитился Пафнутьев.

– Ведь он тогда сразу догадался, зачем я фотографирую внутренности его холодильника! Паша, сразу! Я не успел щелкнуть ни единого раза, а уж все, что требовалось, стояло на столе! Налитое, нарезанное, обильно поданное! В этом, Паша, проявился не только финансовый достаток, но и настоящая душевная щедрость!

– Хороший был человек, – вздохнул Пафнутьев.

– Почему был?

– Взорвался вчера вместе со своей машиной.

– Сам или...

– Конечно, помогли.

– И тебе сразу все стало ясно? – тонким от внутреннего волнения голосом спросил Худолей. – И не осталось ни единого вопроса? Никаких сомнений и колебаний? – продолжал наворачивать обличения Худолей, явно намекая на поверхностность Пафнутьева, на его пренебрежение к истине.

– Не понял, к чему ты клонишь?

– Как к чему? У него надо срочно провести повторный обыск! Мы наверняка что-то упустили! Не может такого быть, чтобы человек взорвался вместе с машиной, а у него дома не осталось никаких следов! Мой многолетний опыт старого сыщика подсказывает мне, что...

– Все понял, – перебил Пафнутьев. – Опыт подсказывает тебе, что в его холодильнике еще много чего осталось. Примерно этак обысков на пять-семь, а?

– Как ты можешь, Паша, так думать обо мне, о старом твоём и самом верном соратнике? – плачущим голосом спросил Худолей. – Ты не поверишь, у меня руки дрожат от нетерпения, когда мы идем с тобой на дело!

– Почему же, охотно верю! – рассмеялся Пафнутьев. – У тебя руки дрожат задолго до того, как мы идем на дело! Я даже знаю причину этой дрожи. Сказать?

– Горько, как горько к концу жизни встретить такое вот непонимание, такое оскорбительное пренебрежение! – Разновеликими своими шагами Худолей отошел к окну и ссутулился там, не оборачиваясь, чтобы не видели люди его лицо, лицо человека, потрясенного равнодушием и черствостью ближних.

– Не переживай, – Пафнутьев положил руку на сухонькое плечо эксперта. – Сегодня же исправлюсь.

– Да? – живо обернулся Худолей. – Сегодня же?! – его глаза радостно сверкнули, в них вспыхнул огонь жизни, готовность все перевернуть вверх дном, но найти хоть что-нибудь такое, что порадовало бы любезного гражданина начальника и позволило бы ему, талантливому и неутомимому работнику правосудия, разоблачить страшные преступления, которые...

Ну и так далее.

Андрей в это время не торопясь перебирал содержимое книжного шкафа. Собственно, его и книжным-то можно назвать лишь условно, поскольку из нескольких полок лишь одна оказалась занятой книгами – все они были изданы лет двадцать, тридцать назад, все о войне, в которой, судя по коробке с орденами и медалями, хозяин квартиры, Чувьуров Сергей Степанович, принимал активное участие от подмосковных до берлинских схваток. Среди книг была засунута картонная папка, тоже сработанная, видимо, не менее тридцати лет назад, когда жизнь и у старика, и в стране была повеселее, а здоровье позволяло зарабатывать чуть больше, чем требовалось на хлеб, и он мог купить дешевенький фотоаппарат и снимать домочадцев, когда еще были у него эти самые домочадцы. Теперь же, судя по содержимому кухонных шкафчиков, встроенного шкафа, старик жил один, или, лучше сказать, доживал один.

Раскрыв папку, Андрей присел на диван и принялся перекладывать снимки, внимательно всматриваясь в каждый из них. Ничего особенного они не представляли. Чувьуров как фотограф не достиг вершин мастерства, и все снимки хотя и были достаточно большими, размером в школьную тетрадь, выглядели сероватыми, нерезкими, с обломанными, надорванными краями.

И вдруг Андрей наткнулся на снимок, который явно отличался от прочих, он был новее, с четкими фигурно обрезанными краями, а изображена на нем была девушка или, скорее, молодая женщина. Снимок сделали, похоже, в каком-то ателье. Так и есть, перевернув фотографию, Андрей увидел фиолетовый штамп – телефон и адрес ателье. Глядишь, кто-то обратит внимание, кому-то понравится, и он тоже придет сфотографироваться. Но больше всего зацепил Андрея взгляд женщины, уж больно он был какой-то подавленный, хотя сама она выглядела достаточно броско – подцвеченные волосы, правильные черты лица, тоже вырисованные грамотно установленным светом. Да, снимал человек с профессиональной хваткой.

И еще одно обращало внимание: грудь у женщины была обнажена гораздо смелее, чем это обычно бывает на подобных фотографиях. И очень неплохая, между прочим, грудь, подумал Андрей. Сам того не замечая, он тянулся к таким вот женщинам – с некоторым нервным надломом. А здесь это просто невозможно было не заметить. Кто она старику? Родственница? Знакомая? Соседка? Дочь? Подруга дочери?

– Какая красавица! – сказал Пафнутьев, беря снимок в руки. – Крутая. Можно даже сказать, отчаянная. Где взял?

– В этой папке. Там на обороте адрес ателье и телефон.

– Хочешь заняться? – спросил Пафнутьев, возвращая снимок.

– А надо ли?

– Конечно! – усмехнулся Пафнутьев. – Такая женщина! Украшение любого уголовного дела, – но тут же спохватился, увидев, как замкнулось лицо Андрея. – Сможешь раскрутить?

– Ателье найду, наверняка и фотограф ее запомнил... А если нет... Что-нибудь придумаю. Негативы у них хранятся достаточно долго.

– Можно и у старика спросить.

– Если заговорит.

– Куда он денется, конечно, заговорит. Шаланда не с того конца начал. Он ведь уличал его, а тут другая история... У меня такое ощущение, что он из категории народных мстителей. Их с каждым годом становится все больше... Объединяться им пора и начинать широкомасштабные военные действия по освобождению занятой врагом территории. Мужики они отчаянные, опыт есть, терять нечего. Справятся. А?

И только сейчас Пафнутьев обратил внимание на тишину, наступившую в квартире. Обычно Худолей достаточно шумно исполнял свои служебные обязанности, всегда находил повод чем-то восхититься, возмутиться или на что-то обидеться. Воодушевленный обещанием Пафнутьева сегодня же исправиться и восполнить Худолею все, чего ему не хватало для жизни и счастья, а в этот день ему не хватало пары глоточков водки, так вот, подстегнутый обещанием Пафнутьева, он с удвоенной бдительностью принялся осматривать все, что уже осмотрел не один раз. Едва Пафнутьев ушел в комнату, как Худолей опять распахнул холодильник, словно подтолкнула его к этому какая-то сатанинская сила. И снова, в который раз, он сфотографировал початую бутылку кефира, стеклянную банку с кусками нарезанной селедки, подвядшие сосиски, создав еще один натюрморт, который вряд ли когда-нибудь ляжет в том уголовного дела по причине полнейшей своей ненужности.

Закончив с этим делом, Худолей распахнул дверцу морозильника. Но и тут его ожидало разочарование. Сначала он вынул завернутую в газету высохшую тараньку, которая, похоже, не один год ожидала, пока у старика появятся деньги на бутылку пива. Тем не менее он сфотографировал и недожеванную рыбешку. В глубине морозильника остался еще один сверток. Худолей, не задумываясь, выволок наружу и его.

Развернув сверток, он онемел, зажал рот обеими своими красноватыми полупрозрачными ладошками, чтобы готовый сорваться крик не получился слишком уж кошмарным. В газету была завернута высохшая человеческая рука. По всему было видно, что от туловища ее отделили не скальпелем, руку просто отрубили топором. Но больше всего Худолея потрясло не это – пальцы мертвой руки были свернуты в кукиш, смотревший прямо ему в глаза.

Прошло не менее минуты, прежде чем Худолей смог оторвать руки ото рта, и тогда небольшую однокомнатную квартиру огласил его тонкий истошный вопль, на который тут же прибежали Пафнутьев и Андрей, готовые спасти эксперта от неведомой опасности. Но и они замерли в дверях, уставившись на ссохшийся мертвый кукиш, лежавший на полу в комке старой газеты.

– Ни фига себе, – прошептал потрясенный Пафнутьев и обессиленно опустился на кухонный табурет.

* * *

Фотоателье располагалось на первом этаже длинного дома, который все в округе называли не иначе как крейсер. Весь его первый этаж занимали всевозможные маленькие магазинчики, аптека, часовая мастерская, винно-водочный отдел, пошивочная, где можно было укоротить или удлинить штаны, наложить латку на шапку или заменить стершийся зад на старой шубе. Среди всего этого разнообразия втиснулось и фотоателье с витриной, где были выставлены изделия, которые выполнялись в его красноватых сумерках при свете фонаря, – снимки для документов, свадебные фотографии, портреты на керамических плитках для могил.

Протиснувшись сквозь тесный коридорчик, Андрей оказался перед прилавком, за которым сидела девчушка с невероятно пышной прической – во все стороны от ее головки торчали мелко-мелко завитые волосы откровенно рыжего цвета. В ее задачу входило оформление заказов. Тут же висело кривоватое зеркало, в котором можно было увидеть себя во весь рост и попытаться срочно исправить недостатки, допущенные природой и родителями.

– Слушаю, – сказала девчушка, не отрывая взгляда от толстой амбарной книги с данными о заказчиках.

– Ваша работа? – Андрей положил на прилавок фотографию, найденную при обыске у старика.

Не взглянув на портрет, девчушка перевернула снимок и, увидев фиолетовый штамп, равнодушно отодвинула фотографию от себя.

– Наша... А что?

– Кто это?

– Понятия не имею.

– Где мастер?

– Николай Иванович! – громко крикнула девчушка куда-то в темное пространство ателле. – К вам из милиции!

– С чего ты решила, что я из милиции? – спросил Андрей, невольно оробев от такой потрясающей пронизательности.

– Да ладно тебе! – махнула рукой девчушка и скривилась с этакой милой вульгаринкой. – Не надо мне мозги пудрить. Понял? – наконец-то она подняла голову и взглянула на Андрея.

– Я бы тебе другое место напудрил, – проговорил тот с досадой. – С помощью хорошего ремня.

– Другим будешь пудрить! – девчушка явно нарывалась на знакомство.

Откинув черное покрывало, из лаборатории вышел мастер – с тяжелым лицом, потный от духоты где-то там, в маленькой комнатухе без окна. На мастере был серый халат с выжженными растворами пятнами, в руке он держал мокрый отпечаток, с которого падали капли воды. Он подошел к окну и, внимательно рассмотрев снимок, снова унес его за черную ширму. И лишь через несколько минут, когда он появился снова, взгляд его остановился на Андрее.

– Ну? – спросил он и устало опустил на стул. – Чего случилось в жизни?

Андрей протянул ему снимок. И мастер тоже, как и девчушка, прежде всего взглянул на обратную сторону снимка. Узнав свой штамп, всмотрелся в портрет.

– А, – протянул он. – Помню. Так что случилось?

– Ничего, – Андрей как можно равнодушнее пожал плечами. – Найти надо эту красавицу.

– Зачем?

– Познакомиться хочу.

– Не надо с ней знакомиться.

– Почему?

– Не советую. Могу я тебе посоветовать? Могу. Вот и советую. Открытым текстом говорю – не надо.хлопотно тебе будет с ней. Чревато. Может быть, даже опасно.

– Спасибо, конечно... Но совета принять не могу.

– Обязанности не позволяют?

– Вроде того.

– Ладно, зовут ее Надя. Это все, что я знаю. Мне пришлось несколько раз переснимать... Сам видишь, в таком жанре я не работаю. Так что справился с заданием не с первого раза. То грудь недостаточно видна, то недостаточно хороша, то...

– А было именно задание? – уточнил Андрей.

– Да, – усталый мужчина вытер ладонью пот со лба и твердо посмотрел на Андрея.

– Чье?

- Ха! – мастер покачал головой.
- У вас ведь заказы регистрируются?
- Не все.
- Почему?
- Коммерческая тайна.
- Ну а все-таки?
- Господи... Молодой человек, зачем нам говорить о таких вещах? Все вы знаете и без меня... Самая простая причина – чтобы уменьшить налоги, утаить хотя бы часть доходов... Потому что если я не буду этого делать, то заведение мне придется закрыть с завтрашнего утра. Меня постигнет полное и окончательное разорение.
- Есть и другие причины?
- Конечно. – Мастер вынул из нагрудного кармана мятую пачку сигарет, выловил одну, сунул в рот, протянул пачку Андрею, но тот отрицательно покачал головой. – И правильно, – сказал мастер. – Одобряю. А что касается причин... Не все хотят оставлять о себе какие-то сведения, адреса, телефоны... Я и не настаиваю.
- Мне необходимо ее найти, – Андрей положил руку на снимок, найденный при обыске у старика Чувьюрова.
- Они у меня даже негативы изъяли, – сказал мастер.
- Кто?
- Заказчики.
- Выходит, она не сама к вам пришла, а был заказ некоей фирмы или отдельного человека?
- Оплата пришла по перечислению, – неожиданно влезла в разговор кудрявая девчушка из-за прилавка. Она, похоже, чувствовала себя уязвленной – разговор проходил без нее, ею как бы пренебрегли, вот она и решила напомнить о себе.
- У вас и такое бывает? – удивился Андрей. – Обычно за фотографии расплачиваются наличными, разве нет?
- Когда заказчиком выступает частное лицо, да, наличными. Если же заказ делает организация, фирма... Мы не возражаем против перечислений. А им это гораздо проще.
- И часто такое случается?
- Чрезвычайно редко. Школа может заказать альбом для выпускников, завод – по случаю какого-нибудь своего юбилея. – Фотограф был несколько растерян неуместным вмешательством рыженькой приемщицы. Но вскоре оправился, и к нему вернулась обычная его устало-безразличная манера разговора. – Если у вас больше вопросов нет... – Фотограф поднялся, снова всмотрелся в мокрый отпечаток и уже хотел было скрыться за черной шторой, но Андрей остановил его.
- Простите, – сказал он торопливо, пока фотограф не успел скрыться. – Если, как вы говорите, подобные заказы случаются чрезвычайно редко... – Он говорил медленно, подбирая слова, понимая, что каждое его неосторожное слово может попросту оборвать разговор. – А на этом снимке не завод, не школа, здесь полуголая красавица... То вы наверняка запомнили, кто же захотел иметь такие снимки, какая такая организация пожелала украсить стены подобными произведениями...
- Не могу припомнить...
- Господи, Николай Иванович! – опять влезла в разговор приемщица из-за прилавка. – «Фокус» оплатил нам эти снимки, вы что, забыли? Два месяца тянули, пока я сама к ним не пошла! Такие жмоты! Ужас! – От охватившего ее гнева девушка резко отвернулась – есть такая манера у девушек, которые считают себя красивыми и во всем правыми. Сказав что-либо, они тут же отворачиваются, давая понять, что нет у них никаких сил разговаривать с такими бестолковыми собеседниками, обсуждать эту тему, объяснять очевидное.

– Да? – переспросил фотограф, и лицо его на какое-то мгновение окаменело. – Может быть, не знаю... Мое дело – фокус навести. А кто платит, – он развел руками, – так ли уж это важно, – и поспешил нырнуть за черную занавеску.

Психологом стал Андрей в последнее время, чертовски проницательным психологом – по одному только движению сероватой, размокшей в растворах ладони фотографа, которой он бросил за собой шторку, понял, что тот находится в крайней степени раздражения. Не понравился ему Андрей со своими вопросами, и поведение глуповатой подчиненной, которая сует свой конопатый нос во все щели, тоже не понравилось.

– Чего это он? – спросил Андрей у девушки, кивнув в сторону дернувшейся занавески. В голосе его прозвучали чисто пафнуньевские простоватые нотки, в которых можно было уловить и наивное удивление, и сочувствие девушке, которой приходится работать с таким грубым человеком, и раскаяние в собственной настырности, если таковая будет ею замечена и осуждена.

– А! – и девушка пренебрежительно махнула ручкой. – Старость – не радость! – она шало сверкнула подведенными глазами.

Простые вроде бы, произвольно сорвавшиеся слова с ее почти детских неумело, но ярко окрашенных уст, но все понял Андрей и даже устыдился. Почти открыто сказала ему девушка, что уж он-то, Андрей, никак не стар, он молод и нравится ей, не то что прокисший в этих проявителях и закрепителях склеротик, который не помнит даже того, что с ним случилось вчера.

– А то я уж подумал, может, сказал чего не того, – растерянно пробормотал Андрей и опять слукавил, понимая, что колется приемщица, на глазах расклевывается.

Девушка поманила Андрея пальцем, подзывая его поближе, а когда он приблизился, прошептала на ухо:

– Чем-то припугнули его эти фокусники. Он в штаны и наделал.

– Может, заплатили маловато? – тоже вполголоса предположил Андрей.

– И это тоже, – заговорщицки кивнула девушка и в этот свой кивок сумела вложить даже восторженность проницательностью Андрея, дескать, уж мы-то с тобой прекрасно понимаем, в чем тут дело.

– Валентина! – раздался из глубин лаборатории нарочито требовательный голос фотографа. – Иди сюда!

– Сейчас такое начнется, – сказала она Андрею на ухо и уже громко крикнула: – Иду!

– Пока! – Андрей от двери махнул рукой, но Валя и здесь сумела пойти дальше – послала воздушный поцелуй. И уже когда он хотел выйти, настигла его с ручкой и клочком фотобумаги.

– Запиши свой телефон! Мой у тебя же на фотке. Если чего узнаю про эту красотку – позвоню.

– Тоже верно, – согласился Андрей и быстро нацарапал на полоске бумаги домашний телефон. И приписал внизу имя.

– Андрей! – восторженно прошептала Валя. – Ой, до чего мне нравится это имя! Балдею! Представляешь? От одного имени балдею!

– У тебя тоже имя ничего, – улыбнулся Андрей.

– Нравится?!

– Балдею!

– Жди! Позвоню! Сдохнуть мне на этом месте, позвоню! – И, озорно подмигнув чуть ли не половиной лица, девушка скрылась за черной занавеской.

* * *

Направляясь в морг, Пафнутьев и так, и этак прикидывал события, происшедшие в последние несколько дней. Он оказался втянутым в них так быстро и необратимо, что не успел даже спохватиться, оглянуться по сторонам.

Убийство в кабинете начальника милиции... Такого действительно еще не было. Какую нужно иметь ярость в душе, злобу, ненависть, чтобы, не заботясь о собственной судьбе, заколоть человека, который наверняка вдвое крупнее старика, вдвое моложе. Эти удары за спину, наискосок, чуть вверх оказались столь убийственно точными, что громадный, полный сил детина рухнул на пол и умер в течение нескольких минут. Да, конечно, штык был довольно длинным, и хотя сантиметров десять пришлось на рукоять, все равно в нем оставалось не менее тридцати сантиметров. А если учесть ту остроту, до которой он был доведен, то от Чувьурова много сил и не требовалось. В рыхловатое тело Оськина штык входил почти без сопротивления.

Но и это не все, далеко не все... Дело идет к тому, что первого парня тоже заколол старик. Что могло его заставить? Жил себе и жил, кефир хлебал, по праздникам плавники тараньки сосал, орденами любовался... Вот и все. Больше ничего по результатам обыска о старике сказать было невозможно.

Теперь эта кошмарная находка в холодильнике... Может, он людоед?

Но где остальные части тела?

Съел?

А почему пальцы свернуты в кулиш?

Это что, такие забавы нынче пошли?

Может, он и первого парня заколол, чтобы обеспечить себе пропитание на весну, а учитывая, что тот оказался при теле да с жирком, старику на все лето его хватило бы при скромном расходовании...

Если все это так, то тогда понятно, почему он заколол парня в собственном подъезде – старик попросту не смог бы притащить его с улицы, силенок бы не хватило. А так – дверь рядом. Но почему все-таки не затащил? Кто-то помешал? Ну да, Оськин и помешал. В первом случае старик успел скрыться, но, когда вышел на второго парня, удача ему изменила.

А рука? Как понимать руку в холодильнике?

От нищеты и беспробудности сейчас многие умом трогаются, людоедов отлавливают по всей стране едва ли не каждый день – то детишек кушают, то девиц забивают, то собутыльников на закуску зазывают... Говорят, счастливые времена настали, свобода слова наступила, теперь каждый может о ком угодно самое разное произнести... Теперь уж никого за крамольные мысли и безнравственные желания не посадишь, да и надобности нет, все мысли, самые дикие, дозволены, все желания, самые злобные и продажные, законны... В этом нас убеждают с утра до вечера все телевизионные дивы... Ладно, разберемся с дивами. Нам бы только людоедов маленько отловить.

Шагая по лужам, Пафнутьев некоторые слова проговаривал вслух, прохожие оглядывались на него с улыбкой, повело, дескать, мужика. А Пафнутьев никого не замечал, он перепрыгивал через ручьи, когда успевал их заметить, а если запаздывал, то шагал прямо по сверкающим солнечным бликам, сунув руки в карманы куртки, натянув клетчатую кепку на брови, снова и снова прокручивая в уме все те сведения, которые удалось ему получить за последние два дня.

Единственный просвет, который удалось высмотреть Пафнутьеву, был связан с фирмой «Фокус» – оба убитых парня были сотрудниками этой фирмы, и опять же «Фокус» оставил

свои следы в квартире Чувьюрова, да, фотография красотки, слишком легкомысленная для домашнего снимка, каким-то образом оказалась в семейном альбоме.

«Ничего, – успокоил себя Пафнутьев, – заговорит Чувьюров, никуда не денется. Пройдет шок, он успокоится, не надо только слишком уж давить на него, торопить, требовать показаний полных и чистосердечных. Завтра же, с утра, возьмусь за старика», – решил Пафнутьев и рванул на себя тяжелую низкую дверь морга.

Патологоанатом, или, как его называли проще, эксперт, был на месте и встретил его обычным своим взглядом – громадные белесо-голубого цвета глаза, увеличенные до кошмарных размеров толстыми стеклами очков, смотрели не то осуждающе, не то изучающе, будто видели не живого человека, а труп на каменном своем столе.

– Здравствуйте, – сказал Пафнутьев гораздо громче, чем требовалось, чтобы хоть самым голосом разрушить мертвенную тишину помещения и как-то расшевелить этого маленького человека с печальными глазами и пересохшими от частого мытья руками.

– Здравствуйте, – ответил тот и почтительно склонил голову.

– Я не слишком рано пришел? – произнес Пафнутьев дежурные слова, но уже потише, поняв, что криками он здесь никого не расшевелит и не поднимет.

– В самый раз, – ответил эксперт. – Знаете, у меня для вас хорошая новость.

– Боже! – вскричал Пафнутьев. – Хорошая новость из морга?! Мне страшно.

– Обнаружилась вполне определенная вещь, – впервые в глазах эксперта Пафнутьев увидел искорки радости, будто тот действительно хотел сообщить нечто забавное.

– Говорите же, – простонал Пафнутьев.

– Оказывается, руку, которую вы мне принесли, отделили от туловища, когда человек был уже мертв.

– Думаете, это хорошо? – осторожно спросил Пафнутьев, боясь обидеть этого странного человека.

– Конечно! Представьте себе, что руку отрубили бы у живого.

– В самом деле, – согласился Пафнутьев. – Скажите, это совершенно точно, что руку именно отрубили, а не отделили скальпелем, что проделали это с мертвецом, а не с живым человеком, что...

– Остановитесь, пожалуйста, а то я забываю ваши вопросы. Да, можно сказать вполне определенно, что рука отрублена. Топор ли это или что-то другое, но оборванные мягкие части тела, сосуды... Все это позволяет мне сделать достаточно уверенное предположение.

– И когда это произошло?

– Сие есть тайна великая. Непознаваемая.

– И даже предположить нельзя?

– Предполагать можно все, что угодно, но ведь вам нужны даты, цифры, имена... Дело в том, что после отделения от туловища рука хранилась несколько небрежно, в не приспособленных для этого условиях.

– В холодильнике лежала. В морозильном отделении.

– В таком случае холодильник был не очень хорош.

– Да, холодильник следовало давно выбросить.

– Должен вам заметить, что нынешние холодильные установки, в том числе и импортного производства, внешне могут выглядеть довольно привлекательно, но, с другой стороны...

– Простите, а можно что-нибудь сказать о хозяине этой руки, если можно так выразиться?

– Хозяином ее был мужчина. Он не чурался физического труда, ни в молодые годы, ни в более старшем возрасте...

– А сколько ему было лет?

– Сие есть тайна великая.

– Да, я знаю, тайна сия непознаваема! – Пафнутьев начал раздражаться, но все-таки держал себя в руках, и ему воздалось, потому что эксперт вдруг произнес и нечто существенное.

– Согласен с вами, уважаемый Павел Николаевич, – эксперт так проникновенно посмотрел на Пафнутьева, что тот устыдился своей короткой вспышки. – Есть одно обстоятельство, которое позволяет если и не установить точный возраст хозяина руки, то достаточно обоснованно об этом судить, – глаза эксперта колыхнулись за стеклами очков, как две медузы в аквариуме.

– Вам удалось...

– Удалось, – кивнул человек. – Видите ли, мне пришла в голову удивительная мысль... Я просветил эту руку на рентгеновской установке. Вы ни за что не угадаете, что я увидел на экране! Я был потрясен!

– Что-то таинственное? – слабым голосом спросил Пафнутьев.

Не отвечая, медэксперт полез в свой стол, вынул небольшой бумажный пакетик и осторожно, боясь дохнуть на него, развернул и короткими движениями руки придвинул к Пафнутьеву. Заглянув в пакетик, Пафнутьев увидел что-то маленькое, черное, продолговатое, неопределенно ломаной формы.

– Что это? – спросил он.

– Осколок.

– Не понял, какой осколок?

– Это осколок времен Великой Отечественной войны, которая закончилась полным и сокрушительным разгромом фашистской Германии в тысяча девятьсот сорок пятом году. Тогда наши доблестные войска взяли Берлин и заставили агрессора подписать акт о безоговорочной капитуляции.

Все это эксперт произнес негромко, но торжественно, а при последних словах даже встал, словно говорить о такой войне сидя было кощунством. Подчиняясь его волнению, поднялся и Пафнутьев и невольно склонил голову.

– Садитесь, – скорбно сказал эксперт и первым опустился на свое место. – Правда, несколько лет назад нашелся предатель, враг нашего народа, которому удалось свести на нет эту великую победу...

– А не мог ли этот осколок попасть в руку позже? – спросил Пафнутьев, боясь оскорбить чувства этого человека.

– Характер шрама позволяет утверждать, что ранение получено все-таки в сороковые годы. Шрам был почти незаметен, он зарос за полвека. Этот человек был ветераном Второй мировой войны.

– Так, – протянул Пафнутьев. – Значит, ему было где-то около семидесяти?

– Если мне позволительно предположить, то я бы еще пяток лет добавил. Семьдесят пять.

– Так, – снова протянул Пафнутьев. Его подозрение о том, что этот человек был съеден, пошатнулось. Вряд ли Чувьуров, который на глазах у кучи народа заколол амбала из «Фокуса», стал бы на пропитание заготавливать такого старца.

– Напрашивается еще одно предположение, если позволите, – эксперт несмело взглянул в глаза Пафнутьеву.

– Слушаю вас внимательно.

– В руке, в предплечье, остался еще один осколок, поменьше этого.

– И что же следует?

– Если вам удастся найти оставшееся тело, то появляется надежда установить родственность руки и других частей. Не только по анализам, которые не всегда убедительны и достоверны, а и по осколкам. Дело в том, что этот человек попал в действие разрыва снаряда или гранаты, которые разлетаются чрезвычайно маленькими осколками. И в его теле наверняка остались такие осколки. И еще... Между большим и указательным пальцем просматри-

вается очертание небольшого якорька... Вполне возможно, хозяин этой руки имел отношение к флоту.

– Так, – опять крикнул Пафнутьев.

– Уважаемый Павел Николаевич, у меня к вам просьба, если позволите...

– Конечно! – искренне воскликнул Пафнутьев. – Я буду рад выполнить любую вашу просьбу.

– Когда что-либо выясните о судьбе этого человека, о его личности... Не считите за труд, сообщите мне хотя бы по телефону... Если, разумеется, это вас не слишком затруднит, – глаза эксперта за толстыми стеклами колыхнулись и замерли, уставившись на Пафнутьева.

– Договорились. Я сделаю это обязательно. Сразу, как только что-нибудь станет известно.

– Благодарю вас. Искренне вас благодарю.

– Тогда я напоследок тоже задам один вопрос. – Пафнутьев помолчал. – Пальцы руки были свернуты в кукиш... Что бы это могло означать?

– Сие есть тайна великая и непознаваемая, – скорбно произнес эксперт, и после этих слов Пафнутьев заторопился уходить. – Буду ждать вашего звонка.

– И вы его дождетесь! – заверил Пафнутьев, уже сбежав по ступенькам крыльца.

– Такие вещи нельзя оставлять безнаказанными.

– Полностью с вами согласен!

Перепрыгнув через лужу, Пафнутьев тут же попал еще в одну, но это его даже не огорчило. Сведения, которые он получил, показались ему обнадеживающими. Что-то впереди забрезжило, появился какой-то просвет, пока еще сумрачный и непонятный, но он уже был. Пафнутьев и самому себе не смог бы объяснить, откуда у него появилась уверенность в успехе. Может быть, странная просьба эксперта так повлияла на него, может быть, тот неожиданный порыв, когда, казалось бы, омертвевший среди бесконечного потока вскрытых, развороченных трупов человек вдруг встал при упоминании о прошедшей войне.

Может быть, может быть...

* * *

Вернувшись в прокуратуру, Пафнутьев молча и тяжело прошествовал в свой кабинет и плотно закрыл за собой дверь. И все сотрудники поняли – к начальнику следственного управления сейчас заходить не надо. По-разному может закончиться такой визит, но вряд ли итог будет хорошим, желанным.

Бросив куртку на диван, запустив вслед за ней кепку, Пафнутьев прошел к столу и основательно уселся, нависнув над полированной поверхностью. Но раздумья его оказались куда короче, чем он сам предполагал. Уже через десять минут Пафнутьев поднял трубку и несколькими звонками включил в работу все службы, которые только мог, – Шаланду, налоговое управление, Андрея, Худолея, двух оперативников. Задание всем было дано одно – выяснить все, что касается фирмы «Фокус».

И каждый раз, с кем бы ни говорил, Пафнутьев повторял с небольшими отклонениями одни и те же слова:

– Все! Ты понимаешь? Абсолютно все. Слухи, сплетни, домыслы, факты, имена, даты, жены и любовницы, дети и родители, города и веси! Номера и марки машин, телефоны, факсы, пейджеры-шмейджеры! Кредиторы и должники! Банковские счета! Куда кто ездил, когда и сколько отсутствовал! Повторяю – все!

Положив разогревшуюся трубку, Пафнутьев некоторое время сидел молча, прикидывая, всех ли задействовал, не упустил ли кого. И вспомнил-таки еще одного человека, его он не мог не вспомнить. И тут же набрал еще один номер телефона.

– Пафнутьев беспокоит!

– Это прекрасно! – ответил знакомый голос. – Всегда рад слышать тебя, Паша, всегда рад видеть! Более того, готов наполнить твою рюмку! И чувствует мое сердце – очень скоро, может быть, даже сегодня мне представится такая возможность. А, Паша?

– Представится, – добродушно проворчал Пафнутьев. – Все тебе представится.

– Сегодня?! – захлебнулся от счастья Халандовский.

– Только сегодня!

– Паша... С этой самой секунды жизнь моя обрела смысл. Кончилось прозябание, кончилось существование, мыканье и смыканье! Я снова почувствовал себя нужным человечеству! Я снова молод и влюблен!

– Как, опять?

– Паша... Не обижай меня в эти святые минуты! Я ни в кого не влюблен, никто не потревожил покой моего сердца, я о другом... Общее состояние моего организма – влюбленное! И я, кажется, ко многому готов.

– Вот это уже хорошо, вот это уже по делу! – подхватил Пафнутьев, поймав Халандовского на первых же неосторожных словах. – Именно это от тебя и потребуется.

– Паша, мне страшно... Это не очень круто?

– Для тебя? Аркаша, для тебя есть что-либо слишком крутое?

– Есть, но когда я с тобой, Паша...

– Мы вместе, Аркаша! Мы опять вместе!

– И что... Опять разворачиваем знамена? – спросил Халандовский, и в голосе его прозвучала тревога.

– Да! – закричал Пафнутьев в трубку. – Разворачивай знамена, Аркаша! И не только!

– А еще что?

– И шашки вон!

– Паша, – осторожно проговорил Халандовский. – А не хочешь мне сказать, о чем мы с тобой будем говорить при нашей дружеской встрече?

– О жизни, Аркаша. О чем же еще?

– Я жду тебя, Паша. Приходи.

– Буду, – сказал Пафнутьев и положил трубку.

Недолгий разговор с Халандовским придал сил Пафнутьеву, ушла угнетенность, подавленность, он распрямился за столом, в окно посмотрел ясно и твердо, ощутив готовность действовать. Неопределенность, разорванность всего, что он знал о Чувьурове, о событиях, связанных с ним, уже не давили его. Казалось бы, он не узнал ничего нового, но Пафнутьев явственно почувствовал идущую откуда-то изнутри теплую волну уверенности. Скоро должны пойти первые телефонные звонки, и с каждым звонком он будет узнавать о «Фокусе» все больше и больше.

Но первым оказался не звонок, первым пришел Худолей.

Осторожно приоткрыв дверь, он просунул в щель свою тощую, измятую жизнью и пороками мордочку и в скорбном молчании смотрел на Пафнутьева до тех пор, пока тот не поднял голову и не увидел его.

– Входи! – сказал Пафнутьев.

Худолей приблизился к столу, оставляя на полу за собой редкие капли влаги – с мокрых еще снимков падала вода.

– Извини, Паша, я тут нагадил у тебя, – пробормотал эксперт. – Я больше не буду.

– Что там у тебя?

– Снимки, Паша... Очень хорошие получились снимки... Вообще-то в приличных конторах за такую срочную и качественную работу платят премиальные...

– И что?

– Я не намекаю, я понимаю, где работаю. Надеяться здесь на что-то не приходится...

– Почему же? Надейся!

– Я действительно могу надеяться? – в глазах Худолея сверкнула робкая искорка зарождающейся жизни.

– Можешь.

– Господи! – Худолей подкатил глаза к потолку. – Как хорошо жить на свете, когда тебя окружают добрые, нравственные, отзывчивые люди, всегда готовые прийти на помощь в трудную минуту, когда тебе тошно, свет не мил, а в душе адский огонь, который жжет и испепеляет все, что осталось в тебе чистого и трепетного...

– Снимки на стол! – приказал Пафнутьев, понимая, что только такие вот команды, не допускающие никаких других толкований, могут сейчас подействовать на Худолея. И действительно, он тут же четко и быстро разложил на столе несколько довольно прилично сделанных снимков. – Что это? – спросил Пафнутьев.

– Это, Паша, фирма «Фокус»... Вот их главное здание...

– Особняк в три этажа?!

– Да, Паша, да... Они его отремонтировали, обязались сохранять как памятник архитектуры прошлого века... Украсили коваными решетками, внутри восстановили мраморные каминны, на двери навесили бронзовые ручки с львиными мордами...

– Ни фиги себе!

– А это машины перед их подъездом... Обрати внимание, Паша, на эти машины...

– Уже обрattel.

– Ни единого «жигуленка». Некоторые я вообще никогда раньше не видел. Сплошные «роллс-мерсы». Или «мерс-ройсы», как скажешь.

– А это что за хмыри? – показал Пафнутьев на нескольких амбалов, которые прохаживались вдоль особняка, лениво прохаживались, это было заметно даже по снимкам.

– Наверное, Паша, охрана. Я поснимал их немного, думаю, вдруг тебе пригодятся их физиономии. Они довольно тупые, эти физиономии, на них даже смотреть противно. С трудом заставил себя навести на них фотоаппарат и установить резкость. Но ты же не будешь вешать их портреты в собственной спальне? А для дела... Чего не бывает – сгодятся.

– А морду они тебе не набили?

– Пытались.

– Отбился?

– Нет, дураком прикинулся.

– А зачем тебе прикидываться?

– Не обижай, Паша. Я жизнью рисковал, а ты всякие слова непотребные в мой адрес произносишь. Так это... Ты же ведь хозяин своего слова?

– Хозяин.

– Тогда, Паша, я буду надеяться, начиная с этого вот самого мгновения, ладно?

– Ладно, – ответил Пафнутьев, всматриваясь в снимки, принесенные Худолеем. Они и в самом деле были необычно крупные, размером со стандартный лист писчей бумаги. На снимках можно было рассмотреть и модели машин, и их номера, и смурные морды амбалов, охраняющих вдоль особняка. Стоянка перед домом была огорожена невысокой кованой решеткой, и посторонних машин здесь быть просто не могло. К тому же в сторонке был установлен небольшой шлагбаум, который поднимался автоматически, по команде из самого особняка – будки вахтера возле шлагбаума не было. Значит, действительно все машины, стоящие на площадке, имели отношение к фирме «Фокус».

– Хорошая работа? – Худолей безошибочно уловил тот момент, когда он мог задать вопрос без риска вызвать раздражение Пафнутьева своей настырностью. – Нравится?

– Катись. Все помню, все знаю и ничего не забываю. Ты что, засомневался?

– Упаси боже! – в ужасе замахал руками Худолей и даже попятился к двери, будто само лишь это подозрение Пафнутьева повергло его в ужас. – Упаси боже!

– Забери снимки, засуши, отглянцуй... А потом приноси. Только это... Смотри, чтобы пленка не пропала.

– А может?

– У тебя? Конечно.

– Горько, как горько слышать такие слова, Паша, от человека, которого любишь давно, искренне и преданно, – последние слова Худолей произнес уже в коридоре, по взгляду Пафнутьева поняв, что нельзя бесконечно злоупотреблять его терпением. Осторожно прикрыв за собой дверь, он быстро зашагал по коридору обычной своей походкой – все шаги у него получались разной длины, то он делал рывок вперед, то топтался на месте, а иногда его резко бросало к стене.

Следующим заглянул опер, который посетил налоговое управление. Короткая стрижка, худощавое лицо, натруженные, сухие руки боксера сразу выдавали в нем профессию телохранителя, опера, бандита – что-то в этом роде.

– Что скажешь, Олег? – Пафнутьев показал на стул у приставного столика.

– Все в порядке, Павел Николаевич. В налоговом управлении о фирме «Фокус» самого лучшего впечатления. Налоги платят своевременно, без задержек и опозданий.

– Так не бывает.

– Конечно, – усмехнулся опер, показав ряд железных зубов – видимо, не во всех схватках он одерживал победы, ему тоже случалось пропускать удары. – Они охотно платят и дорожные поборы, и за милицмейское обслуживание, и в Пенсионный фонд вносят все, что положено...

– Так не бывает, – повторил Пафнутьев еще более твердо.

– Бывает, – поправил опер, – но только у очень уж крутых мошенников.

– Ты их расколол?

– Немножко, – улыбнулся опер.

– Как?

– Приемчик довольно простой... Я вошел к начальнику налогового управления с небольшой сумкой. А в ней магнитофон. Самый обычный, на стандартных кассетах работает. Сумка, естественно, закрыта на замочек, а магнитофон, естественно, включен. Наш разговор продолжался пятнадцать минут, а кассета работает все сорок пять.

– Неплохо, – одобрил Пафнутьев.

– Когда он ответил на все мои невинные вопросы, я раскланялся и вышел. А вернулся через десять минут. Извинился за оставленную сумку... Ну и так далее.

– Он удивился?

– Он сделался белым, как... Как дерьмо.

– Белое дерьмо? – удивился Пафнутьев.

– Чего не бывает, Павел Николаевич... А сумку я положил на стул у самого стола. Он ее даже не увидел. Простак.

– Дурак, – поправил Пафнутьев.

– И не без этого, – согласился опер. – Запись получилась отличная. Причем я вставил в разговор сегодняшнее число, собственное имя, название его должности...

– И он не врубился?

– Как вы правильно заметили, Павел Николаевич, он немного дурак. Сразу, едва я вышел, он позвонил некоему Борису Эдуардовичу и доложил, что его фирмой интересуется прокуратура. Тот, конечно, поблагодарил.

– Откуда ты знаешь, куда он звонил?

– Из слов того же начальника. Сначала он нарвался на секретаршу. Спрашивает: это «Фокус»? Попросил к телефону Бориса Эдуардовича... И опять понес дурь... Не за что, гово-

рит, дорогой Борис Эдуардович. Все равно, говорит, я ваш должник, дорогой Борис Эдуардович... Ну и так далее.

– Кто такой этот Борис Эдуардович?

– Не знаю, не успел. Но мой аппаратик записал набор номера, треск телефонного диска... Отдайте экспертам, они вам через пять минут скажут, по какому номеру был сделан звонок. Вот телефон этого налогового проходимца, Фильчиков его фамилия. Фильчиков Александр Яковлевич.

– Он знает, что ты записал его разговор?

– Вряд ли, может только догадываться. Я ему ни на что не намекал. Извинился, улыбнулся, поклонился на прощание... Ну и так далее.

– Чем занимается «Фокус», на чем деньги делает?

– В его уставе упомянуты все виды человеческой деятельности. От разведения крокодилов до издания книг. По городу разбросана сеть киосков. Торгуют жвачкой, шоколадными яйцами, презервативами. Газовыми баллончиками, женскими титьками, мужскими делами... Ну и так далее. Но самое главное – ремонт квартир.

– Это уже кое-что, это уже всерьез. Как ты думаешь?

– Согласен, Павел Николаевич.

– Пленка, – напомнил Пафнутьев.

Опер молча вынул из внутреннего кармана кассету в прозрачной коробочке и положил на стол.

– Здесь и ваш разговор, и его звонок?

– Да.

– Копию снял?

– Конечно, – улыбнулся опер, опять сверкнув металлическими зубами.

– Береги ее. И себя береги!

– Стараюсь.

– Пройдись по киоскам... Поговори о том о сем... Только осторожно. Смотри не подстався.

– Намечается что-то крутое?

– Боюсь, что да.

– Это хорошо.

– Да? – удивился Пафнутьев.

– Руки чешутся, Павел Николаевич.

– Это хорошо, – на этот раз те же слова произнес Пафнутьев. – Предложи киоскерам товар, поговори о ценах, о поставщиках, взаимоотношениях с начальством...

– Знаю я эту систему, – сказал опер, поднимаясь.

– Звони мне сразу, как только что-то засветится. Сразу, понял? В ту же минуту.

– Усек.

Пафнутьев уже был хорошо наслышан о новом промысле – состоятельные люди, побывав за рубежом, насмотревшись заморских чудес, повально принялись ремонтировать свои квартиры, переделывать их на западный манер. Меняли двери, устанавливая вместо картонных дубовые, линолеум заменяли паркетом, ванны и туалеты покрывали испанским, итальянским кафелем, хрустальные люстры заливали комнаты радужным переливающимся светом, глубокие кожаные диваны звали к себе в объятия.

Но деньги, деньги на это требовались несопоставимые ни с годовыми зарплатами, ни с годовыми пенсиями и пособиями. Внешне вроде немного менялось в городе, но за старыми стенами шла непрерывная работа, невидимая, а то и попросту криминальная. Европейская отделка требовала куда больших площадей, нежели стандартные квартиры, и денежные

мужики, не стесняясь, предлагали соседям выбираться, сулили им другие квартиры, деньги, дачи, машины.

Все это Пафнутьев прекрасно знал, и едва только опер обмолвился о ремонте квартир, которым занимается «Фокус», все в нем напряглось, он сразу почувствовал, как по уголовному делу пробежала искра, объединившая в одно целое разрозненные подробности, подозрения, улики, обстоятельства.

Перед обедом пришел Андрей и молча положил перед Пафнутьевым портрет красавицы, найденный в квартире Чувьюрова.

– Ну как? Удалось познакомиться? – спросил Пафнутьев, ожидая разговора легкого и необязательного.

Андрей так же молча перевернул снимок обратной стороной и показал Пафнутьеву фиолетовый штамп ателье.

– Вот эта контора получила заказ от «Фокуса» на снимок. И оплатила заказ. Все снимки и негативы изъяты. В ателье говорить на эту тему опасаются.

Пафнутьев выслушал, всмотрелся в лицо женщины, взяв снимок и отведя на вытянутую руку, всмотрелся пристальнее и дольше.

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросил он у Андрея.

– В фотоателье работает девица, не столь, конечно, хороша, как эта, но она положила на меня глаз и, наверное, захочет еще что-нибудь рассказать.

– Так, – проговорил Пафнутьев.

– Надо старика раскручивать.

– Думаешь, пора? – с сомнением спросил Пафнутьев. – А знаешь, кому принадлежала рука из холодильника? Ветерану войны... Не то моряку, не то десантнику. Так примерно. И было ему за семьдесят. Как рука могла оказаться у старика в холодильнике?

– Скорее всего, он сам ее туда положил. Потому и молчит. Раскалывать его надо.

– Значит, так, Андрюша, – Пафнутьев помолчал, посмотрел в окно, вслушиваясь в весенний звон капель. – Добивай фотоателье, любезничай с девицей, которая положила на тебя глаз, ты тоже можешь на нее глаз положить, но выпытай все, что удастся. Чую, что «Фокус» – фирма еще та...

* * *

Поздно вечером, когда Андрей уже засыпал, неожиданно раздался резкий телефонный звонок. В темноте он с трудом нашел трубку, поднес ее к уху вначале не той стороной, потом повернул и наконец услышал возбужденный девичий голос.

– Ты что, уже спишь? – в вопросе была и насмешка, и робость, Андрей это почувствовал.

– Да как сказать...

– Все понятно. Дрых!

– Виноват.

– Узнаешь?

– С трудом, – попытался выкрутиться Андрей – он никак не мог сообразить, с кем говорит.

– Ты! Не узнаешь? Меня?! – голос сорвался на крик, но теперь в нем была и радость. – Меня невозможно не узнать! Ты сам сказал, что балдеешь от одних только звуков моего голоса!

– Я сказал, что балдею от имени, – Андрей понял наконец, кто звонит – это была Валя из фотоателье.

– Вообще-то да... Ты прав. Но ничего, еще и от голоса обалдеешь.

– Да я уже, – улыбнулся он в темноту.

– Почему не заходишь?

– Только вчера же у тебя был!
– А с утра уже обязан в окна заглядывать! Только так! И никак иначе! Значит, заскочишь?
– Конечно.
– Слушай, я чувствую, что ты еще не проснулся. Значит, так... Жду. Кое-что покажу.
– Да, я заметил... Тебе есть что показать.
– Тю, дурной! Не ожидала от тебя такой пошлости... А с виду ничего так, вроде даже воспитанный. Местами, правда.

– Виноват, – Андрей был посрамлен.
– Значит, так... У меня есть для тебя что-то очень интересное, очень важное, я бы сказала, неожиданное. Просто обалдеешь. С места не сойдешь от потрясения. Я чувствую, что в твоей деятельности тебе нужен хороший, надежный помощник. Считаю, что он у тебя есть.

– Он или она?
– Помощник, конечно, он, но я имею в виду себя.
– Я так и понял.
– Придешь?
– Обязательно.
– Прямо с утра, понял? К открытию. Понял?
– Буду.
– Целую! – и Валя положила трубку.
К открытию Андрей не успел.

Сначала забежал в прокуратуру, потом дожидался Пафнутьева, тот подробно разжевывал ему какое-то задание, и когда добрался наконец до фотоателье, то увидел картину, которая потрясла его больше всего за последний год.

Вместо громадного витринного стекла зиял черный провал, и оттуда тянуло едким, желтоватым дымом, видимо, горели какие-то химикалии. Мелкие осколки стекла покрывали асфальт на десяток метров вокруг, и уже по этому можно было догадаться – внутри прогремел взрыв. Судя по всему, это случилось совсем недавно – толпились люди, невдалеке стояла машина «Скорой помощи». Внутри, в том помещении, которое вчера еще было фотолабораторией, трепетали мелкие язычки пламени, в дымном полумраке смутно различались человеческие фигуры.

Не раздумывая, Андрей шагнул через подоконник внутрь. Воняло гарью, но дышать было можно, и он сделал несколько шагов, пытаясь понять, что произошло.

– Чего стоишь... Бери носилки! – услышал он какой-то злобный крик и, обернувшись, увидел, что кричал человек в белом халате, стоя у носилок. Андрей подхватил рукоятки и шагнул к выходу, снова напрямик, через подоконник. Он понимал, что идти надо к белой машине «Скорой помощи», и быстро, почти бегом, направился туда. И лишь когда поставил носилки на асфальт и обернулся, увидел, что нес Валю. Лицо ее было черным, волосы дымились, видимо, и от них мало что останется, правая рука была залита кровью, и по странному, неестественному изгибу ее он понял, что переломано предплечье. Девушка была в сознании и, увидев его, попыталась приподняться с носилок. Но у нее ничего не получилось, голова обессиленно упала на подушку. Уже теряя сознание, она протянула к нему левую руку – в ней была зажата свернутая в трубочку газета, тоже залитая кровью.

Наклонившись над девушкой, Андрей услышал, едва услышал шепотом произнесенные слова:

– Это тебе...
Два санитары подхватили носилки и быстро задвинули их в машину, захлопнули дверцу.
– Выживет? – спросил Андрей.
– Может, и выживет, но это уже не имеет значения... Калека.

Андрей проводил взглядом рванувшую с места машину и снова направился к черному провалу в доме. Совершенно потерянный, с пустым взглядом из дыма вышел фотограф. Полы халата его тлели, в руках он держал ящик, видимо, с негативами. Увидев Андрея, замер, лицо его напряглось, он пытался вспомнить, кто же стоит перед ним, наконец вспомнил.

– Принесло тебя на нашу голову, – проговорил он и прошел мимо. Поставив ящик прямо на подтаявший снег, фотограф тут же снова шагнул в черный дымящийся провал и скрылся там среди языков пламени и ядовито-желтого дыма.

Рева мощными моторами, подъехали две красные машины. Пожарники в нескладных брезентовых куртках начали разматывать шланги. Тут же подскочил верткий милицейский «газик», из него тяжело вывалился Шаланда и, хрустя осколками стекла, решительно шагнул в дымящийся провал, словно надеясь застать там виновников происшествия. Оперативник, прибывший с ним на машине, направился к толпе в поисках свидетелей.

Проводив взглядом фотографа, который опять показался из провала с деревянным ящиком, Андрей пошел в прокуратуру. Пафнутьев выслушал его, не перебивая, не переспрашивая. Нависнув над столом плотным телом, он смотрел на Андрея устало и равнодушно, будто тот рассказывал вчерашний сон.

– Все? – спросил он, когда Андрей замолчал.

– Вроде.

– Давай сюда газету.

Осторожно вынув из кармана пропитанную кровью газету, Андрей бережно развернул ее на столе. Это было полубульварное, полурекламное издание, полное каких-то странных сведений, гороскопов, рассказов о мертвецах и снежных людях, которые в конце концов оказывались инопланетянами. Тут же выяснилось, что газета довольно старая – номер вышел месяца три назад.

– Сейчас этот листок уже не выходит... Спеклись ребята... На колдунах и мертвецах нынче больших денег не заработаешь. Серьезные фирмы в такие издания рекламы не дают. Уже месяц, как закрылись.

– Зачем-то она мне дала эту газету...

– Будешь читать ее каждый вечер перед сном, пока не обнаружишь причину, – усмехнулся Пафнутьев и вдруг замер, замолчал. – Ни фиги себе, – произнес он врасстяжку и ткнул пальцем в один из снимков, наполовину залитый кровью. – Видишь?

– Что? – не понял Андрей.

– Твоя красotka с обнаженной грудью.

– Точно она, – ошарашенно произнес Андрей. – Та же самая фотография.

– Интимные услуги, так это называется. Тут и телефончик есть.

Андрей вынул из кармана снимок и положил рядом с газетой. Теперь стало совершенно очевидно, что это один и тот же снимок, одного и того же человека.

– Не понимаю, – проговорил Андрей озадаченно. – Если снимок опубликован в газете, если эта газета разошлась по всему городу, то зачем было взрывать фотоателье... Ведь Валя ничего такого уж тайного и не открыла, а, Павел Николаевич?

– Открыла, – ответил Пафнутьев. – Она сказала тебе самое важное... Оказывается, за всеми этими услугами – ночными, интимными, сексуальными, назови их как хочешь, стоит фирма «Фокус»...

– Крутые ребята, – проговорил Андрей.

– Многостаночники какие-то... Торговля, ремонт квартир, интимные услуги... Так не бывает. Вернее, бывает, но только в одном случае...

– Банда?

– Похоже на то, Андрюша, похоже на то.

– Дело разрастается, Павел Николаевич.

– Да уж... Два трупа в малиновых пиджаках, рука в холодильнике, взрыв в фотоателье... Уверен, что на этом события не закончатся.

* * *

Многое изменилось в жизни за последние год-два, очень многое. Стали другое есть, другое пить, сменили одежду, джинсовые штаны, которые совсем недавно сдергивали с трупов, чтобы тут же надеть на себя и отправиться на танцы, теперь пылились ненужными стопками во всех киосках. Срамные безделицы, только посмотреть на которые ездили в Париж и Амстердам, теперь навалом гнили на складах и никого не интересовали, кроме психов да семиклассников, у которых просыпалась жажда ночной жизни и половых свершений.

А сверкающие лимузины!

Государство рухнуло, наверное, только от того, что миллионы вдруг почувствовали себя обделенными и несчастными без этих лимузинов. Теперь же они, ободранные, облезлые и простреленные во многих местах, месили отечественную грязь и при ближайшем рассмотрении оказались такими же тачками, какие болтались по улицам и раньше, разве что более слабыми на наших дорогах, требующих мужества и сноровки.

Появились, правда, и машины в самом деле неплохие, с тихим ходом и большой скоростью, с затемненными стеклами и мощными моторами, с телевизорами и барами. Но одновременно возникла и какая-то напасть – почему-то они время от времени взрывались, почему-то падали с мостов, загорались сами по себе, а если им удавалось избежать всего этого, то в них обязательно обнаруживались трупы, которые неизменно оказывались хозяевами этих самых машин. Видимо, вместе с машинами в страну был завезен какой-то страшный вирус, видимо, какая-то еще не открытая зараза просочилась сквозь границы и принялась уничтожать граждан влиятельных, состоятельных и достойных. А если с их машинами ничего не случалось, то обязательно что-то случалось с ними самими – то пуля их настигала в тот самый момент, когда они своим невероятным красавицам открывали шампанское, вручив предварительно неплохое кольцо с камушками, билет на Канарские острова, то еще что-нибудь более заковыристое.

А еще эти надоевшие всем контрольные выстрелы в голову! Не обходилось ни одной ночи, ни одного вечера, чтобы не прозвучали опостылевшие до самых печенок контрольные выстрелы в голову. Нет чтобы бабахнуть в живот и уйти восвояси, нет чтобы перерезать горло и смыться побыстрее, нет чтобы пырнуть ножом в спину и дать деру, нет! Обязательно им требуется этот идиотский выстрел. Что делать, высокое искусство профессионалов начало проникать в самые неожиданные области человеческой деятельности.

Банковское ли дело, торговля, строительство, морские круизы или сухопутные посещения бардаков и казино, даже любовь, пусть оплаченная, пусть продажная, но все равно любовь, – так вот все это стало обязательно сопровождаться контрольными выстрелами в голову.

Да, многое изменилось в жизни горожан!

Обычные картонные двери начали заменять на стальные, чтобы никакой взрыв не смог их сокрушить, противоугонные устройства, изготовленные из медвежьих капканов, заменили электронными, которые сами откликались на приближение хозяина, за сотни километров посылали крики о спасении, и хозяин, услышав их отчаянные вопли, нанимал чеченскую бригаду или славных грузинских ребят, или приобретал по случаю в соседней молочной лавке неплохой гранатомет с боевым запасом и неся сломя голову вызволять свою машину, которая из последних сил орала в пространство, оглашая эфир криками боли и страдания.

В карманах у прохожих уже не позвякивали медные монетки, поскольку исчезли они из обращения, теперь в кармане у каждого прохожего, сжатый горячей ладонькой, потел совсем маленький баллончик, готовый каждую секунду выплеснуть в морду обидчику смертоносную

струю газа и навсегда вырубить его из числа здоровых и сильных, навсегда превратить румяного детину, обронившего неосторожное слово, в парализованного калеку, стонущего, плачущего, сочащегося слезами и слюнями.

Многое изменилось в жизни людей, но только не застолье у Халандовского. Как и прежде, как и годы назад, на маленьком журнальном столике, потрясая невероятным своим запахом, лежала свернутая крутыми плотными кольцами домашняя колбаса, красные помидоры, в которые, казалось, были вживлены маленькие электрические лампочки, отчего помидоры светились даже в темноте. Да, и холодное мясо с хреном, домашнего посола огурцы, хруст от которых был слышен в самых отдаленных уголках квартиры, и...

Да, конечно. И бутылка запотевшей водки, вынутая из холодильника в тот самый момент, когда раздавался звонок долгожданного гостя. И Халандовский, старый пройдоха, плут и мошенник, бросался не к двери, нет, упаси боже! Он бросался к холодильнику, вынимал литровую бутылку лучшей в мире водки производства местного завода и устанавливал ее в середине стола. И лишь потом, не торопясь, чтобы не запыхаться, чтобы выглядеть достойно и невозмутимо, шел открывать дверь гостю, который уже измаялся на площадке, не зная, что и думать, начав терять надежду встретить и обнять любимого хозяина этой квартиры...

– Здравствуй, Паша, – произнес Халандовский и отступил в глубь коридора. – Как я рад!

– Если бы ты не открыл еще минуту, – проворчал Пафнютев, сдергивая с себя куртку, – если бы я не услышал твоих шагов, – он бросил кепку на крючок, – если бы я не так устал и не был так разочарован в жизни...

– То что было бы, Паша? – проникновенно спросил Халандовский, медленно открывая и закрывая большие печальные глаза.

– Я бы выстрелами из пистолета высадил все твои замки! И вошел бы, невзирая ни на что!

– И правильно бы сделал, Паша, – тихо проговорил Халандовский. – Следующий раз, когда меня не застанешь дома – высаживай смело. И входи. Как бы ты ни вошел – с помощью отмычки, гранатомета или просто позвонив в дверь, я всегда буду рад видеть тебя! Проходи, Паша, в комнату... Можешь не разуваться.

– А если разуюсь?

– Разуйся, Паша. Вот шлепанцы. Я поставлю твои туфли в сушилку, и ты уйдешь от меня в сухих туфлях. Вижу, вижу, Паша, как тяжело тебе сегодня жилось, как ты день-деньской бегал по улицам за преступниками... А что творится на улицах, я знаю...

– Ладно. Понял.

Сковырнув с ног туфли, Пафнютев в носках прошел в комнату. Увидев стол, он остановился и закрыл глаза. И тихий, еле сдерживаемый стон вырвался из его груди.

– О боже... Неужели это еще возможно? – спросил он слабым голосом. – Неужели, Аркаша, жизнь продолжается?

– Я скажу тебе, Паша, больше... Она будет продолжаться еще некоторое время. И этого времени нам вполне хватит, чтобы насладиться плодами земли, воды и неба. А также дружеским общением.

– Иногда мне кажется, что все давно кончилось, что жизнь на земле прекратилась и...

– Остались только мы с тобой? – подсказал Халандовский, воспользовавшись заминкой Пафнютева. – И ты прав, Паша. Меня иногда посещают точно такие же мысли.

Пафнютев опустился в низкое, продавленное кресло, откинулся на спинку, положил руки на подлокотники. Сделав несколько глубоких вдохов, он посмотрел на Халандовского, расположившегося в соседнем кресле.

– Кажется, выжил, – выдохнул Пафнютев.

– Не сомневайся, Паша. Ты выжил. Меня всегда удивляла, Паша, твоя потрясающая способность произнести тост не просто уместный, а новый, свежий, дерзкий. Давай выпьем, Паша. Чтоб мы выжили!

– А меня просто потрясла твоя способность все, что угодно, превращать в тосты.

– Вперед, Паша! – И Халандовский бестрепетной рукой наполнил крутобокие стопки, в каждую из которых наверняка помещалось не менее ста граммов водки. Рюмки тут же окутались влажной дымкой, покрылись мельчайшими капельками, один вид которых в душе усталой и разочарованной рождает надежды и возвращает к жизни.

Друзья чокнулись. Звук получился сильным и содержательным. Не было в нем легкомысленного перезвона хрустальных фужеров, многозначительного и пустоватого стука шампанского, не было мелочного дребезжания рюмок маленьких и спесивых.

Выпив, Пафнутьев снова откинулся на спинку и некоторое время прислушивался к себе, с каждой секундой убеждаясь в том, что водка прекрасна, закуска на столе, что жизнь и в самом деле продолжается. Нет, с халандовской закуской не сравнятся никакие угощения из вымороженных салатов, тягучих соусов, вываренных непонятно из чего, шевелящихся в животе устриц и дергающихся, царапающих по стенкам желудка лягушачьих лапок...

Положив на ломоть срезанного мяса щедрую порцию хрена, Пафнутьев сунул его в рот и застонал от наслаждения. А когда все прожевал, все проглотил и уже ощутил праздничный фейерверк в своем организме, он поднял глаза и наткнулся на черный, громадный взгляд Халандовского.

– Тебе чего? – спросил Пафнутьев.

– Паша... Ты не поверишь... Но ведь ты и в самом деле выжил, а! Столько раз за последние годы ты мог сгореть, утонуть, расчлениться... Паша, ты ведь и спиться мог! Что же тебя уберегло?

– С такой водкой, Аркаша, с такой закуской, в такой компании... Разве можно погибнуть? Что ты несешь?

– Ну что ж... Тоже хороший тост, – Халандовский снова наполнил рюмки.

Опять выпив до дна, Пафнутьев похрустел огурцом, отломил домашней колбасы, отведал и ее, почтительно склонив голову к плечу.

– Что скажешь? – спросил Халандовский, который похвалу принимал вроде бы и равнодушно, но ждал, когда похвалят его угощение, а если гости молчали, то начинал нервничать и переживать.

– Ничего, что я беру колбасу прямо руками? – спросил Пафнутьев. – Понимаешь, в такую колбасу грешно втыкать железную вилку, ее надо нетронутой, неповрежденной донести до самого рта.

– Не переживай, Паша, – успокоил его Халандовский. – Короли едят руками.

– Да? – удивился Пафнутьев. – А, знаешь, кажется, ты прав.

– Я всегда прав.

– Почему же в таком случае не делаешь ремонт в квартире? – спросил Пафнутьев. – Твоя квартира, конечно, прекрасна, но она станет еще лучше, если... – Пафнутьев замолчал, предлагая хозяину самому решить, что менять в его квартире, а что оставить как есть.

Халандовский замер на мгновение от такой резкой перемены темы, внимательно посмотрел на Пафнутьева, поднял бутылку, прикинув количество оставшейся водки, снова поставил ее на место.

– Я сделал ремонт в своей квартире. Но не в этой.

– У тебя есть еще одна?

– Две.

– Разумно.

– Я купил две квартиры на одной площадке, объединил их и сделал ремонт.

– Но живешь здесь?

– Да. Говори, Паша... Я чувствую холодок в душе, когда вижу, как подбираешься ты к чему-то главному... Мне страшно, Паша.

– Кому ремонт заказывал? – беззаботно спросил Пафнутьев.

– Это уже горячее, – проговорил Халандовский. – Есть такая фирма – «Фокус».

Халандовский взглянул на Пафнутьева и тут же опустил глаза, словно опасаясь, что его друг увидит в них больше, чем следовало. Он взял бутылку, разлил остатки водки. Убедившись, что бутылка пуста, поставил ее у окна за штору, как это делали в столовых в период жестокой борьбы с алкоголизмом. Тяжело поднявшись из кресла, сходил на кухню, хлопнул дверцей холодильника и тут же вернулся еще с одной бутылкой, тоже покрытой матовым, серебристым инеем.

– Хорошо сидим, да, Паша?

– Я вышел на них.

– Понял.

– И не отстану.

– Знаю. Но победить, Паша, не сможешь. Не потому, что ты стар, слаб или смелости в тебе недостаточно. Дело в другом. Это спрут. У него много щупалец. И стоит отрубить одно, как на его месте вырастает другое, а все остальные остаются целыми.

– Ты знаешь, чем они занимаются?

– Всем.

– В каком смысле?

– В самом прямом. Они занимаются всем. Все, что придет тебе в голову, самое кошмарное – можешь быть уверенным, что и этим они занимаются.

– Младенцами торгуют? – произнес Пафнутьев самое несусветное, что только могло прийти ему в голову.

– А, так ты об этом знаешь, – проговорил Халандовский без удивления. – Ну что ж... Тогда ты много знаешь. Мне и добавить нечего.

– Не понял?! – откинулся Пафнутьев на спинку кресла. – Я от фонаря брякнул... И что, попал?

– В десятку. Выпьем, Паша... За то, чтоб и на этот раз ты выжил. Такой тост будет кстати, как никогда.

Друзья чокнулись, подмигнули друг другу, выпили. Пафнутьев уже привычно потянулся к домашней колбасе, а Халандовский, увидев, что пошла его колбаска, сходил на кухню и принес еще один кружок.

– Знаю, что ты меня не слушаешься, но для очистки совести скажу... Отступись, Паша. Не надо. Это даже не банда... Это государство. Бандитское государство, которое захватило город. Если ты о младенцах действительно брякнул от фонаря, то... Подозреваю, в руках у тебя оказался кончик нити. Не тяни его, Паша. Ты никогда не будешь знать, что вытянешь. Думаешь, что на том конце нити воздушный шарик, а там окажется бомба, в которой уже сработал взрыватель. Надеешься, что ведешь на поводке кошку, а за тобой идет тигр. Остановись, Паша. Никто тебя не упрекнет. Ни у кого язык не повернется. Ты уже что-то нашел?

– Руку нашел.

– Где?

– В холодильнике.

– А, ты в прямом смысле... Я подумал, что ты где-то нашел помощь, поддержку, содействие. А рука... – Халандовский пренебрежительно скривил губы. – В городе каждый день из-под снега показывается и кое-что посущественней. Во дворе моего магазина голову нашли. С осени в листьях пролежала.

– И сколько ему было лет? – спросил Пафнутьев, вспомнив просьбу медэксперта.

– Почему ему? – пожал плечами Халандовский. – Голова-то бабья. А было ей... Лет двадцать. Двадцать пять... Не больше. Паша... У них свои боевые отряды, наемные убийцы, у них везде свои люди. Ни один твой шаг не останется незамеченным. Могу тебе сказать еще

одно... Если им кто-то не нравится, они делают предупреждение. Одно-единственное. Вежливое, спокойное... Если человек не внял, его убирают.

– Без следа? – усмехнулся Пафнутьев.

– А что тебе следы? Ты нашел руку? А дальше? Я предпочитаю находить в холодильнике другие вещи, – Халандовский широким жестом показал на стол.

– Значит, так, Аркаша... Ты обо всем предупредил. Твоя совесть чиста, – Пафнутьев помолчал. – Но вот что я тебе скажу... если отступлюсь, не смогу жить, понимаешь? Я должен уважать себя. Сливяв, я не смогу себя уважать, не смогу к тебе приходить к такому вот застолию, не смогу к жене в постель лечь. Ничего не смогу. Во мне останется только этот мой позор. Я буду думать только о нем. И ни о чем больше. Это отравит мне всю жизнь. А я хочу еще немного пожить, Аркаша, хочу еще пожить на этом свете, – повторил Пафнутьев, исподлобья глядя на Халандовского. – И только поэтому не отступлюсь. Не могу! – с надрывом простонал Пафнутьев. – Понимаю бесполезность, опасность, безнадежность, все понимаю! Но не могу, – повторил он почти плачущим голосом и, взяв бутылку, с хрустом, одним движением свинтил пробку. Разлив водку по стопкам, Пафнутьев поставил бутылку на стол и, кажется, в первый раз обратил внимание на ее этикетку – она была совершенно черного цвета, и только название водки было выдавлено маленькими золотистыми буквочками. – Видишь, и этикетка черная, траурная какая-то... Но я все равно не отступлюсь.

– Ты на этикетку бочку не кати, – строго сказал Халандовский. – В черном и в гроб кладут, и на свадьбу идут. Ты, Паша, на меня надейся, но не очень. Ладно? Даже нашего с тобой сегодняшнего милого разговора достаточно, чтобы меня убрать. Даже этой малости, Паша!

– Как его зовут? – спросил Пафнутьев.

– Кого? – невинно вскинул брови Халандовский.

– Аркаша... Мне больше ничего не надо... Скажи, как его зовут?

– Хорошо... С одним условием...

– Принимаю.

– Никогда, никому, ни во сне, ни наяву ты не скажешь...

– Не скажу.

– Хорошо... Этим маленьким щупальцем, которое называется «Фокусом», заворачивает некий человек по фамилии Шанцев. Борис Эдуардович Шанцев. Бывший спортсмен, участвовал в каких-то соревнованиях, получал медали... Он и сейчас следит за собой, не пьет, в отличие от некоторых моих друзей, что заранее дает ему хорошие шансы на победу.

– Не дает, – перебил Пафнутьев.

– Почему?

– Как говорят хохлы... Если человек не пьет, то он или хворый, или падлюка. Нас с тобой это не касается. Непьющий человек ограниченнее в своих поступках.

– Не надейся на это, Паша. У Шанцева нет ограничений ни в чем. Полный беспредел.

– Беспредел – это тоже ограниченность.

– Хорошо, что ты так думаешь, хорошо, что водка не лишила тебя ясности мышления, твердости убеждений, благородного безрассудства. Значит, ты настоящий человек. Значит, я угощаю тебя хорошей водкой. Если не возражаешь, я наполню наши дружеские бокалы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.